

Елена Свительская
Щри мужа

для Лизи
Книга 2

18+

Елена Свительская

Три мужа для Кизи. Книга 2

«Автор»

2020

Свительская Е. Ю.

Три мужа для Кизи. Книга 2 / Е. Ю. Свительская — «Автор»,
2020

ISBN 978-5-532-04627-6

Родители Кизи внезапно умерли, а дядя спихнул девушку женой трём братьям, бродячим музыкантам, имущество прибрал себе. И после свадьбы Кизи вынуждена странствовать вместе с мужьями. В разлуке с любимой младшей сестрой. Да только на тропах Древней Индии попадаются не только люди, но ещё и настоящие боги и демоны. И встреча с одним из них способна круто изменить чью-то жизнь. И тайны вскрыть старые, нарушив спокойствие злодеев и героев.

ISBN 978-5-532-04627-6

© Свительская Е. Ю., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Камень 30-ый	6
Камень 31-ый	15
Камень 32-ой	31
Камень 33-ий	45
Камень 34-ый	57
Камень 35-ый	63
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Елена Свительская

Три мужа для Кизи. Книга 2

Добро и зло враждуют: мир в огне.

А что же небо? Небо – в стороне.

Проклятия и яростные гимны

Не долетают к синей вышине.

Омар Хайям

Камень 30-ый

– Пойдём. Нам ещё надо успеть до темноты добраться до места, – и Садхир направился не в сторону, где были угощения, а в сторону моего дома.

И мы с Моханом, привязанные к его накидке своими накидками, невольно отправились следом. Или, может, потому, что боялись разделять накидки и узел? Ведь почему-то же появился обычай, чтобы на свадьбе связывали накидки жениха и невесты, да чтоб они потом походили, связанные друг с другом.

Средний муж шёл впереди, а мы с младшим шли за ним, вровень друг с другом. Как-то так получилось. Да Мохан и не возражал. Но, чем ближе был мой отчий дом, тем сильнее и тревожнее билось сердце. Ведь они из-за меня идут против своего главы семьи. Ох, уже нашего. Поллав – главный у нас. И он уже сказал, что против. И, как бы ни хотелось мне забрать хоть что-нибудь от родителей с собой, однако же, я и о младших мужьях заволновалась.

Через несколько шагов рискнула, поравнялась с Садхиром – Мохан обиженный обошёл меня и пошёл в одну линию с нами, с другой стороны от меня – и робко сказала:

– Но Поллав не хотел...

– Это неправильно, – тихо возмутился Садхир. – Все родители подарки дают дочерям и приданное. А твои не смогли. Хотя бы как их подарок забери свою старую одежду и украшения.

– Но ведь Поллав... – смущённо начала, но покосившись на любопытные лица, следившие за нами оживлённые глаза, замолкла.

– Просто не носи их часто, – шепнул мне молодой мужчина, наклонившись к моему уху и коснувшись меня своим тёплым дыханием, смешанным с запахом пряностей из сладостей. – Но ты имеешь право носить их. Не волнуйся, я попрошу Поллава. Но не сейчас. Пускай он успокоится немного.

Заплакав, сложив ладони у шеи, пылко сказала:

– Благодарю, мой господин!

– Ох, до чего же непривычно! – улыбнулся он и, склонившись к моему уху, шепнул: – Просто Садхиром зови. Я привык, что братья и знакомые зовут меня так.

Смущённо возразила, но очень тихо, чтобы могло только между нами остаться, ну, ещё и с напряжённо подслушивающим бинкаром:

– Но так неприлично...

– Но в каждой семье есть свои правила, – с улыбкою возразил он мне, потом добавил тихо: – Хотя, конечно, лучше, если ты не будешь звать по имени нашего Поллава.

– Я понимаю, мой...

– Ну, пойдём, – он рукою указал в сторону моего дома, уже показавшегося из-за других.

– А нам с Садхиром можно! – бодро сказал Мохан, но под взглядами меня и среднего брата смущённо примолк.

Но, впрочем, я, кажется, уже начала привыкать, что младший муж много говорит. И говорит вообще всё, что вздумается.

– Подойди сюда, – попросил средний муж, входя в дом, который сегодня перестал быть моим.

И послушно ступила к нему. И Мохан, к нам привязанный, ступил за мною.

– Где у вас светильники? – спросил почему-то муж.

Достала послушно.

– И гхи.

И кувшин с топлённым сливочным маслом принесла – мужья были вынуждены ходить за мною. Отдала всё среднему мужу, присевшему у очага. Не понимала, зачем ему то, чего в свадебных ритуалах не было. Но раз он захотел – его воля закон для меня.

Садхир степенно наполнил маслом светильник. Разжѐг огонь. Я хотела сбежать за кизяком, но мне помешал Мохан. Рукой накрыл мою на моём плече, потянувшуюся снять накидку. И за кизяком ходить не позволил мне. Попросил только указать, где хранится.

– У тебя такое платье красивое! Я прямо люблюсь. Грустно будет, если запачкаешь, – сказал серьёзно.

И, под насмешливым, хотя и тёплым одновременно, взглядом брата, добавил:

– И вообще, пока хна на твоих руках не сойдѐт, тебе не надо самой работать. Ты уж береги её, чтоб твоя любовь к нам стала крепче.

– Хорошо, мой го...

– Ах, зови меня Моханом! – пробурчал он. – Я как-то странно себя чувствую от всей этой вежливости. Как будто расстояние между нами увеличилось.

Робко сказала:

– Так ведь так и есть: вы супруг мне теперь. И вы выше меня.

– Слушай, ну, это... – юноша смущѐнно лоб протѐр. – Но ведь Шива вообще как труп без своей Шакти Парвати. И говорил, что она – половина его. Я, как бы... мне как-то веселее, если мы будем равными.

Грустно сказала:

– Но так не бывает!

– Хотя бы немного, – взмолился он, сжав мои руки, отчего я взгляд смущѐнно потупила. – Хотя бы когда мы рядом. И при Садхире. Он у нас не вредный. Но пойдѐм. Не знаю, понравится ли Поллаву идея Садхира. Но, если мы успеем сделать до него...

Вот, значит, как младший муж иногда истолковывает послушание!

Шаг ступил младший муж – и накидки, связанные между нами, натянулись – он вздохнул.

– Вместе пойдѐм, – поднялся Садхир.

– Да что вы руки будете пачкать! – вздохнул юноша. И, второй раз вздохнув, осторожно снял вдруг свою накидку и перекинул через плечи среднего брата. – Кизи мне скажет, где у них кизяк – и я быстро принесу. А пока ты будешь хранить связь между нами, – мрачно сощурился: – Но вы никому не говорите, что я отходил! И я быстро-быстро вернусь, – мой локоть схватил, правда, осторожно. – Так, где он у вас хранится?..

Путь ему указала. И он быстро принѐс кизяка. Очень спешил, будто боялся, что связь между нами слабее станет и короче. А за ним корова наша пришла. Вошла в дом, замычав грустно и вопросительно.

Я ступила к ней – и накидка на мне и две с Садхира натянулись. Он было встал, чтобы снова пойти со мной, но я не захотела мешать ему исполнять его задумку – и лишь протянула к корове руки. И та сама ко мне подошла. Мордой в моё плечо уткнулась.

Мохан поставил корзину с кизяком возле нас, быстро в печку подложил. Быстро кинулся руки отмывать, чтобы вновь накидку свою зацапать.

А я, плача, корову нашу гладила. То есть, уже не мою. Теперь с Яшем будет. Но будет ли дядя о ней заботиться так, как я? Должен! Корова – священное животное! Которое обижать грешно. Большая адхарма – коров обижать. А корова не понимала, что происходит и почему от меня так пахнет маслами и цветами. Но, кажется, погрустнела.

Младший муж вернулся быстро, даже воду с рук отмытых не утѐр. Цапнул обратно свою накидку, а нет, брата его, но вовремя спохватился, так и не подняв её – и уже свою взял, уже через своё плечо перекинул.

– Так и не ходил бы, – улыбнулся ему Садхир. – Сходили бы мы втроѐм.

– Тогда бы Кизи за кизяк взялась, – нахмурился Мохан. – Я почему-то в этом уверен.

Рассмеялась невольно.

– Заботишься, значит, о жене, – усмехнулся его брат, добродушно.

– Конечно, забочусь! – пылко сказал юноша. – Если бы она взяла кизяк сама, то руки бы запачкала. А потом бы отмывала. Так мехенди на её руках скорее бы стёрлись. А ей нельзя их раньше срока смывать!

Потому что, говорят, так любовь молодой жены к супругу будет меньше. Ну, Мохан! Всё-таки, ты заботишься больше о себе!

Младший муж ступил ко мне и, руки мои вдруг подхватив, сказал серьёзно и грустно:

– Ты уж постарайся, Кизи! Береги нашу любовь!

Что-то защемило у меня внутри от его взгляда печального и его слов.

– Береги своё мехенди! – с мольбой сказал он, продолжая держать мои руки.

Садхир, на нас как-то странно покосившись, зажёт огонь в очаге. Потом степенно наполнил четыре светильника маслом растопленным. Зажёт от очага. Зажигая фитили один за другим, произнёс:

– Я простираюсь перед рассветно-закатным светильником, чей свет – Основа Знания, который удаляет тьму невежества, и с помощью которого всё в жизни может быть достигнуто.

– Вот зачем это сейчас? – проворчал Мохан. – Поллав не поймёт.

– Я просто хочу напомнить ему и вам кое-что, – улыбнулся молодой мужчина, поднявшись. – Я возьму вещи, которые заберёт Кизи. А вы возьмите светильники – и пойдём. Попросим Саралу потушить огонь в очаге. Или Яш сегодня здесь переночует. Я, кстати, уже слышу его голос – он где-то близко.

Мы с младшим мужем, недоумённо переглянувшись, взяли в каждую руку по светильнику. Я рассказала, где спрятала меж корзин мой заветный узелок. Садхир и украшения взял, подаренные мне родителями и даже одежду.

– Можно хотя бы как подстилку использовать, – улыбнулся мне. – Так и скажем Поллаву, если будет слишком сердиться. Так ты с их подарками не расстанешься. А потом придумаем что-нибудь ещё.

Я бы ладони сложила и поклонилась, но руки мои были уже заняты. Да, впрочем, средний муж и по взгляду моему всё понял – снова мне улыбнулся и первым пошёл к выходу – и мы с Моханом пошли следом за ним.

У дома Саралы было прощание. Жена отшельника ласково обнимала меня. Как и Аша и Прия. Я два браслета вытащила, на память для Аши и Прии. Самые красивые из тех, что прежде были у меня. И которые не взяла сестра. Ох, сестра... но, впрочем, даже если Поллав будет ругаться, что я всё-таки забрала одежду старую и украшения простые, так хотя бы два браслета останутся у моих подруг. Никто их не выкинет. Но, впрочем, просто одарить чем-то девушек, там много сделавших для меня в эти дни, я тоже очень-очень хочу!

Мои подруги поблагодарили и расплакались. И жена, да младшая дочь старосты решились обнять меня. Мать Прии. Да внучки Аши, такие добрые и ласковые. Я, не удержавшись, поцеловала в лоб Малани. Старшие одарили нас благословениями. Младшие и равные желали нам счастья.

Кажется, умная девочка хотела спросить что-то. Может, чтоб я передала ей что-то для Сибасура, если тот появится. Но уже было слишком поздно. Да и ни Сиб, ни Ванада так и не пришли. А теперь дороги назад нет: я – чужая жена. Мне грустно, что враги Ванады будут торжествовать. Кажется, тот сон тоже мог бы быть правдой. Но, увы. Он мог бы успеть забрать меня, но не пришёл.

И... и, значит, что последний ритуал – соединение супругов – будет проведён вне дома. Ох... но они хотя бы выполнят обещание? Не будут двое других рядом стоять и смотреть? Я так боюсь!

Поллав нахмурился, разглядев свёрток мой, какого прежде на телеге не было. Но смолчал. Опять доверился решению Садхира. Или просто на людях ругаться не хотел. На светильники недоумённо посмотрел. Садхир попросил старшего брата взять один себе.

– Вместо меня. А я телегу с вещами покачу.

– Зачем мне?.. – сердито спросил глава семьи.

– Так надо, – тихо сказал с улыбкою Садхир. – Хотя бы, чтобы светлее стало идти в темноте.

Глава семьи поднял с моего плеча свою накидку – и перекинул уже на себя, как принято. И один из светильников из руки Мохана забрал. Младший муж упрямил меня отдать второй светильник мой ему.

– Ты, главное, накидки неси, – сказал. – Береги связь нашей семьи.

Хотя при этом как-то странно на меня посмотрел. Кажется, он не хотел делить меня ни с кем. Но вроде уже смирился. Больше не пытался убежать. Не пытался подсыпать мне в еду колдовского зелья. Только во взгляде его поселилось что-то другое. Боль поселилась.

И отчего-то мне на миг самой стало больно, когда в глаза ему заглянула. Больно, будто я его предала. Будто я не должна была его предавать. Но что случилось, то случилось – и он и сам это понял.

Отчего-то вдруг сжала пальцы на запястье его левой руки – Мохан быстро и взволнованно взглянул на меня – а Поллав посмотрел недовольно на нас, касающихся друг друга так быстро после свадьбы, да ещё и на людях.

Но я всё же сказала, смотря в глаза именно младшему мужу, напряжённо вглядывающемуся в моё лицо:

– Я сделаю всё, что смогу.

И после уже руку его отпустила. Юноша с тоской за моими пальцами проследил, разжимающимися и уходящими в сторону от него.

И мне снова отчего-то стало совестно. Но почему? Я делаю то, что могу! Я буду готовить для них. Буду стирать для них. И каждую третью ночь я буду ему верной женою. А больше я ничего не могу.

Когда я руку свою убрала, подтягивая дупатту красную на лицо освободившейся рукою, рука Мохана, к которой я только что прикасалась, как-то сильнее на светильнике сжалась.

И мне на миг показалось – из-за света солнечного, проходившего сквозь мою накидку на руку младшего мужа – что рука его стала красной. Будто в крови. И отчего меня передёрнуло от ужаса.

Бинкар, заметив что-то мучительное в уголках моих сжавшихся губ, вопросительно брови поднял. А потом, не дождавшись реакции моей, улыбнулся.

«Но он же сейчас живой! – почему-то подумалось мне. – Нечего волноваться»

И почему-то даже сама улыбнулась. Он, улыбку мою разглядев под краем, расшитым золотом, сам улыбнулся. Короткий разговор взглядов и улыбок двух людей. Но почему так щемит что-то в сердце?..

Прощанье с Саралой и моими подругами вышло недолгим – Поллав торопил нас, чтобы мы успели дойти куда-то до темноты. И мы вскоре уже вышли. Я сначала пыталась сдерживать слёзы, но потом расплакалась. Поллав сердито на меня покосился, но промолчал. Тут я была свободной. Все плачут, провожая молодую жену в дом супруга. Но... кажется, отныне моим домом станет дорога?.. Или, всё же, где-то у моих супругов есть своё жилище, которое они хотя бы на время используют?.. И куда мы сейчас идём?.. Не понимаю и ещё больше от этого волнуюсь.

Иши я не видела нигде. И почтенного Манджу. Значит, они были вдвоём. Что ж, пусть этот добрый мужчина позаботится о моей сестре. Только не дядя!

И мы ушли со двора чужого дома. И из деревни быстро ушли.

– Так зачем же светильники? – любопытствовал младший муж, когда мы уже отошли от деревни на почтительное расстояние.

И куда-то вдоль опушки леса пошли.

– Гхи – как наши отрицательные проявления, а фитиль – наше самомнение. Свет духовных знаний понемногу истощает наши ошибки и злые чувства – и наша гордость разрушается. Пламя в лампе всегда устремляется вверх...

– И ты хочешь в очередной раз напомнить нам, что надобно стремиться к добродетели! – проворчал Поллав, мрачно посмотрев на светильник в своей руке. – И как я сразу не понял? Это неизменно, как восход и заход солнца: мой брат Садхир, по поводу и без повода вызывающий к нам.

Мохан подхватил радостно, обгоняя нас и едва не ударив нас в лица своими светильниками, отчего мы все попятнулись:

– О, братья, вспомните, ради чего мы живём! Путь к просветлению – цель нашей жизни! Следование дхарме важнее артхи и камы! Разрушение тамаса, усмирение раджаса и взращивание саттвы – вот цель нашей жизни! Цель жизни каждого человека!

Кажется, он сейчас притворялся Садхиром. И не относился слишком уж серьёзно к ценностям своего брата.

– Заткнись и ты! – проворчал сердито старший из мужчин. – Иначе я оба светильника тебе засуну в глотку!

Мохан шумно выдохнул, вмиг посерьёзневший. Но, впрочем, под укоризненным взглядом Сатхира смутился уже ощутимо и затих. И пошёл уже возле меня

Мы сделали ещё несколько шагов навстречу неизвестности, ещё несколько шагов подальше от моего родного дома. Уже бывшего.

Поллав вдруг проворчал, скидывая с себя накидку, которой был привязан к нам:

– И хватит уже этой ерунды! Нам в пути нужна свобода движений. И ножи, – и, перекинув ткань через мою шею, к телеге пошёл, достал кинжал с ножнами. И уже с оружием пошёл впереди нас, проворчав: – Я больше Кирану попадаться не хочу!

– Так-то так, – согласно качнул головою Садхир. – Но лучше бы нас не видели с оружием.

– Тут и с хищником можно встретиться, – хватка главы семьи на ножнах стала крепче. – Вот ведь говорили, что на отца Кизи напал тигр – и разорвал ему все внутренности.

Я споткнулась, едва не выронив светильник. Средний муж оглоблю одну выпустив, подхватил меня под рукою, удерживая и меня, и мой светильник. Поллав сердито обернулся на нас – и брат его руку свою от меня убрал

Дальше мы молча пошли. Младший и средний мужья не спешили взваливать свои накидки на меня. Или им хотелось, чтобы то могло помочь сохранить связи глубже между нами? Только им двоим?

– И зачем вообще вы их тащите ещё? – проворчал, спустя несколько шагов, главный муж, не оборачиваясь к нам.

– Тебе не хочется, так не мешай нам, – ответил твёрдо средний из музыкантов.

Мохан быстро посмотрел на него и отвернулся. А старший брат и вовсе не смотрел. Сердился.

– В семейной жизни надобно забывать о себе и думать о других, – добавил с улыбкою Садхир.

Мы шли ещё сколько-то – и солнце уже начало катиться к закату. Шли вдоль леса, потом углубились в него. Я напряжённо вглядывалась в незнакомые мне деревья, но молчала.

– Кажется, мы заблудились, – первым заметил Мохан. – Наш дом в другой стороне.

И вовремя уклонился от затрешины Поллава.

– Придёржи язык, – проворчал старший из музыкантов. – И вспомни: ты уже не самый младший в этой семье.

– Да это... это тут причём? – возмутился юноша, но, впрочем, отходя в сторону, подальше от тяжёлой руки главы семьи.

– Да взял бы и промолчал, – сказал вдруг Садхир. – Зачем понапрасну волнуешь нашу жену? Ещё ничего страшного случиться не успело, а ты уже панику норовишь поднять.

Бинкар смущённо потёр нос о плечо. Потом торопливо утёр запястьем накидку, будто боясь, что задел её и что это как-то помешает его связи со мной. И на меня виновато покосился. И всё-таки сказал:

– Прости, Кизи. Я забыл, что я уже не самый младший. Но я не хотел волновать тебя, – вдруг улыбнулся, с улыбкою покосившись на среднего брата. – Но ты не волнуйся: с нами ничего не случится. Присутствие Садхира приносит удачу.

– Это просто случайные совпадения, – проворчал глава семьи. – Иногда нам везло, но часто мы справлялись, только потому что прилагали достаточно усилий.

А средний только засмеялся. Видимо, подобный разговор был у них не впервой.

Поллав, на него глянув, добавил серьёзно:

– Я, впрочем, не отрицаю, что ум Садхира нас не раз из беды выручал. Но, всё-таки, глупо уповать на вечную удачу, да ещё из странных таких причин. Уж лучше бы молился, в самом деле! Вернее будет.

– Да, может... – Мохан опять нос почесал об плечо, где накидки не было, да пылью с гирлянды, которую задел, обсыпал лицо. – Может, он с прошлой жизни своей много благочестия накопил – и вот теперь ему везёт? И нам, потому что мы подле него.

– А будь он таким благочестивым – и жил бы брахманом или хотя бы в царской семье, – проворчал старший из моих мужей.

– И верно, – улыбнулся скромный Садхир. – Не заслужил я жизни в роскоши и почестей, которые достаются дваждырожденным. И не было в моей жизни упанаяны, – вдруг погрузился как-то. – И не будет.

– А разве упанаяна – повод и причина жизни добродетельной? – вырвалось у меня.

Мужья ко мне резко развернулись.

– Ты что-то сказала? – проворчал старший.

– Всё верно сказала, – улыбнулся мне средний. – И чего это я в самом-то деле?.. Следовать дхарме может не только дваждырожденный. А обряд упанаяны сам по себе не делает человека ни мудрым, ни добродетельным. Мудрым и добродетельным человека делают доброе сердце и глубокие знания.

Взгляд тяжёлый главы семьи мне говорил, что не к месту я, женщина, вылезла со своим мнением. И вообще хорошо бы мне держать своё мнение при себе. Но, впрочем, хватать меня грубо Поллав сейчас не стал. И не бил. Взглядом только ограничился. Но... этой ночью он и я...

Хотя мы, кажется, заблудились. И не среди же джунглей ему меня хватать. Да и... вроде бы намного безопасней нам держаться сообща, раз заблудились и в незнакомом месте. Не будет же он брать меня прямо перед братьями!

На мужа старшего посмотрела. Он как-то странно взглянул на меня, взглядом по моей фигуре скользнул. И я задрожала от ужаса. Или... прямо перед ними?.. Но я умру со стыда! И... и он же обещал! Обещал, что они не будут спать со мною вместе! Сказал, что они не будут меня смущать! Неужели, наврал?! Но... даже если глава моей семьи наврал, что могу я? Вот, он же сказал, что мнением моим интересоваться не будет.

– Не волнуйся, Кизи, мы что-нибудь придумаем! – улыбнулся мне Садхир, который думал не о том.

– И у нас есть оружие! – бодро сказал Мохан, впервые ощутивший или только пытающийся казаться сильным.

Теперь у них была я, та, которая слабее и которую ему теперь надо защищать.

Но, впрочем, старший муж меня пугал сейчас больше хищных зверей. И... ночь с ним. Но... или...

Стемнело – и мы всё ещё брели по лесу. В ночных шумах леса мне стало ещё больше не по себе. Но светильники, которые зажёл Садхир и которые всё ещё горели, оказались очень кстати. Они и правда освещали нам путь. И, идя рядом с четырьмя огоньками, отчаянно светившим в ночной мгле, мне было как-то немного спокойнее, чем в темноте.

– Как будто ты знал, что мы не дойдём! – растерянно сказал Мохан, проследив за моим взглядом на мой светильник.

Поллав резко повернулся к среднему брату, по-прежнему катившему телегу за собою.

– Но ведь ты же не умеешь видеть будущее?! – резко спросил он, напряжённо вглядываясь в лицо среднего брата, уходящее в сумрак – свет светильников в руке Мохана на лицо среднего из братьев не попадал.

Или...

Младший брат руку подвинул со светильником – чтобы осветить среднего брата – и я растерянно посмотрела на лица Поллава и Садхира, выхваченные из темноты светом огня. Такой мрачный и напряжённый старший. И такой совершенно спокойный средний. Крупные, грубые черты лица одного. Тонкие и красивые у другого. Кожа темноватая у одного. Кожа посветлее у другого.

Но... если бы Садхир не вышел ночью накануне свадьбы играть на флейте, то не помещал бы младшему и тем девушкам, решившимся прибегнуть к колдовству. Он очень вовремя вышел поиграть. Или... он знал?.. Просто заподозрил, что младший брат что-то затеял? Что-то подсмотрел? Или и вправду?..

Садхир вдруг улыбнулся, тепло, старшему брату, такому не похожему на него:

– Если бы я мог видеть будущее, я бы смог лучше охранять вас, но, увы. Прости, я не могу.

– А отчего тогда мы отошли от труппы в лес? – вдруг спросил Мохан. – Это я убежал играть далеко или Садхир первым отошёл?

Поллав резко развернулся к нему.

– Я... я сам не помню, – смущённо улыбнулся младший из братьев. – Я вообще мало помню с того дня. Вот мы играем. Крики... и трупы. Много трупов. И как будто там не было двух девочек. У них были голубые юбки, у обоих, но я не помню, чтобы среди юбок убитых женщин и девочек были голубые юбки...

– Заткнись! – рыкнул главный из музыкантов. – Что ты всё ерунду всякую говоришь?! – мрачно покосился на меня, робко притихшую и старающуюся молчать. – Пугаешь только жену.

– И я не помню... – сказал вдруг потерянно средний. – Помню лежавшие трупы, задранные юбки у некоторых. Но голубых юбок не помню. Или... помню только одну?.. – глаза его расширились, он схватил Мохана под локоть. – Но, постой... голубая юбка в тот день была на сестре? Ты... ты, правда, видел, что её там нет?

– Я не помню, – бинкар вдруг расплакался. – Я бы и сам хотел, чтобы её там не было! Это значит, что она сумела бы сбежать.

– Голубых юбок на девочках было несколько. И все они были мертвы, – голос старшего из мужчин стал пугающе равнодушным. – И это к лучшему. Если бы какую-то из них оставили бы в живых, значит, в рабство бы продали, – шумно выдохнул. – Я не желал бы такой участи для моей сестры. И вообще, хватит болтать! Пойдём! – и первым пошёл куда-то в сторону. Другой дорогой уже пошёл.

Совсем заблудились? Или он всё же надеется выбраться?..

А Мохан всё не мог успокоиться:

– Я ведь поссорился с Джитой незадолго до того. Всё никак не могу себя за то простить!

– Тиграм всем хочешь рассказать, что мы тут идём? Так ты ещё и спой! – проворчал старший.

– Да какие тут тигры! – торопливо сказал Садхир, быстро покосившись на меня.

Но я теперь вспомнила и отца, на которого кто-то напал по дороге в другую деревню. И всего несколько недель назад. И ни убийцу, ни хищника, так и не поймали. Так шептались люди. Мужчины. И женщины из шудр, чей разговор я случайно подслушала неподалёку от реки. И... значит, тот хищник свободно ушёл? И... может бродить где-то тут?

– Возьми! – вдруг сказал мне почти в ухо Мохан – и я отпрянула напугано.

Но он только один из светильников мне протянул, сказал:

– А я кинжал в одну руку возьму. Двум воинам как-то спокойнее.

И я благодарно улыбнулась ему – теперь мой младший муж настоящую заботу о моём спокойствии проявил. И рассудительность.

Мы какое-то время молча шли через темноту. Глава семьи вдруг шумно выдохнул и остановился. И мы остановились за ним. Он мрачно прошёл к Садхиру, протянул ему и светильник свой, и кинжал.

– Веди нас теперь ты.

– Да что я могу? – грустно улыбнулся тот. – Если бы у меня и правда был дар предвиденья, то я бы не позволил нам заблудиться в лесу. Да ещё и в такой важный день, – вздохнул. – Настоял бы, чтобы мы дождались утра.

– Но ты просил отправиться наутро или через несколько дней, – мрачно сощурился Поллав.

– Я просто хотел, чтобы Кизи было немного спокойнее, – серьёзно признался Садхир. – С нами, но ещё немного в родном доме.

И я опять вспомнила, что сегодня ночь после свадьбы. Время совершить последнее, что скрепит нас уже совсем. Но... ночь... лес... и мы трое совсем заблудились, раз теперь Поллав прибегает к такому странному способу выбирать дорогу.

– Я в тебя верю, – торопливо сказал среднему брату Мохан. – Или... хотите, я телегу покачу? А вы с оружием идите впереди.

– Лучше уж он спереди будет охранять, а я – сзади, – задумчиво произнёс Садхир.

– Но ты всё-таки иди первым, – вдруг серьёзно попросил его старший брат. – Попробуй теперь ты найти дорогу. А я положусь на твою удачу, – грустно улыбнулся. – Или на твои молитвы. Меня-то богам слушать ни к чему. А тебя могли бы. Ты стараешься следовать дхарме.

Вздохнув, Садхир телегу отпустил. Принял от младшего брата светильник и кинжал. Чуть помедлив, впрочем, положил на землю. И покопавшись немного в свёртках, достал из какого-то небольшого узла свои бусы и браслеты из рудракши.

– Зачем?.. – начал было Поллав.

– Мне в них как будто яснее думается, – по-простому улыбнулся молодой мужчина, бусы накинув.

И как будто на миг сумел старшего брата успокоить своею улыбкой и спокойствием.

– Да, одень! – поддержал его младший. – Украшения из рудракши носят брахманы и отшельники. Говорят, что они проясняют сознание, помогают увидеть скрытое на глубине или даже отгоняют демонов!

– И с чего тогда говорите, будто я умею видеть будущее? – усмехнулся Садхир, торопливо завязывая браслеты на предплечьях и запястьях. – Может, это всё рудракша сорта особого?

– Сделай хоть что-нибудь, – проворчал Поллав. – Мне всё равно, будет ли это молитвами или колдовством. Я опасаясь ходить через лес в темноте. Тем более, что лес незнакомый.

С серьгами возиться средний из братьев, впрочем, не стал. Одев любимые свои украшения, гирлянду на телегу свою скинув, чтоб не отвлекала, ступил в сторону – и накидки меж нами натянулись. Вздохнув, он и свою снял, накинув на мои плечи.

– Кажется, это всё-таки остаётся тебе, – виновато улыбнулся средний муж. – Наше дело – искать дорогу и охранять. А твоё – беречь наши узы.

– Может, не стоит вообще?.. – начал было глава семьи, посмотрев на ткани, накинутые на меня.

Сказала робко:

– Мне так спокойнее, мой господин. Думать, что я хоть что-то смогу защитить.

Шумно выдохнув, старший муж ступил ко мне. Я сжалась, локтём прижимая к себе священный узел и накидки. Но он только скинул мою дупатту, голову мою обнажая.

– Смотри по сторонам. Внимательно смотри. Так будет лучше, – и ступил уже за телегу, проход уступая среднему брату.

Разумно. Во-первых, кроме нас тут людей нету. Во-вторых, без накидки я и правда смогу больше и лучше видеть вокруг. И вдруг так смогу первой опасность заметить? Хотя бы предупредить их смогу.

Покосилась на старшего мужа. И от взгляда его пристального потупилась.

– По сторонам смотри! – рявкнул он.

И я голову послушно подняла. Садхир с кинжалом обнажённым – ножны он оставил на телеге – и со светильником пошёл впереди. Я шла у телеги, посередине, и внимательно оглядывалась. Мохан попросил брата старшего достать и его кинжал – и обнажённым сверху телеги положить, спереди, чтобы и он его мог быстро достать, телегу отпустив.

– Это разумно, – сказал старший брат.

– Постойте! – остановился Садхир.

И брата его напряжённо замерли.

– И как я раньше не придумал?! – выдохнул разочарованно средний из мужей, потом к братьям повернулся. – Давайте мы Кизи вообще спрячем под одеждой? – на гирлянду мою посмотрел. – А цветы, может, стоит выкинуть? Или наоборот, нашими гирляндами её заложить. Вдруг это поможет спрятать запах её от хищников?

Помедлив, глава семьи качнул головой.

Они снова остановились, встали у телеги, торопливо сдвигая свёртки.

– И помни: что бы ни случилось, ты не должна вылезать, – сжал вдруг моё запястье главный муж.

– Но... а вдруг я смогу помощь привести?

– Ночью? – мужчина криво усмехнулся. – К кому ты ночью побежишь звать на помощь?!

И я смущённо потупилась.

Он вдруг сжал мой подбородок, больно, заставляя поднять голову.

– По сторонам смотри, – потребовал Поллав. – И помни: не вылезай. Пусть хотя бы тебя беда минует.

– Но... вы...

– А мы обязаны защищать тебя, – серьёзно ответил он.

Это был первый миг, когда мне вдруг стало спокойно рядом с жёстким старшим мужем. Просто... сейчас грубый Поллав выглядел серьёзным. Желаящим меня защищать. И... и он сейчас заботился обо мне!

И я послушно легла на телегу и позволила им меня свёртками заложить. И гирляндами. Было тесно и неудобно.

– Пожалуй, хорошо иметь одну жену на троих, – сказал глава семьи сбоку от телеги. – Куда бы мы троих спрятали? – потом, кажется, у младшего брата спросил: – Стащишь?

– Я постараюсь! – сказал тот торопливо.

– Нет, пусть катит телегу Поллав, – оборвал его план Садхир.

И мы уже иначе пошли. Меня сжимали их инструменты. Бок кололи ножны кинжала. Да и чувствовала себя жутко беспомощной, когда меня везли, головой в неизвестность.

Камень 31-ый

– Может, ей украшения снять? – спросил Мохан тихо. – Убежать легче будет, если что.
– Нет, – отрезал глава семьи. – Если она сумеет убежать, то украшения станут единственным, что у неё будет.

Чуть помолчав, вдруг спросил насмешливо:

– Ты же не собираешься от нас убежать, Кизи?..

И у меня дыхание перехватило от гнева. Как он мог подумать?! Но, впрочем, я умолчала. Если мне не доверяют, чего уж тут говорить? Бесплезно оправдываться. Я ещё в детстве поняла, что бесполезно, после истории с Ванадой.

Мы долго шли через темноту. Точнее, они шли, а я плыла куда-то между деревьев, сжатая горой вещей, заваленная одеждой, местами давно не мытой, да гирляндами. Мне от запаха жасмина и нестиранной одежды стало дурно. Но смолчала. В конце концов, они же стараются меня защитить. Мои мужья стараются меня защитить. Как могут. И остальное неважно. Тем более, что это странно и непривычно приятно, что кто-то меня старается защитить! Хотя, надеюсь, меня на их одежду не стошнит? Мне-то всё равно придётся её стирать. Но Поллава сердит лишний раз не стоит.

А ещё мне хищник вспомнился, который убил моего отца. Мерзкий хищник, который так и не был пойман. Говорили, что он отцу живот разорвал и растерзал внутренности. Я-то не видела – тело его прикрыли, когда принесли. И живот прикрыли, и сверху ещё куском ткани. Кровь, сказали, высохла уже на рваных ранах. Прия рассказала – их сосед видел. Говорил, что отвратительное было то зрелище.

Я ведь спрашивала у Саралы, Аши и Прии, когда уже пришла в себя, убили ли того хищника?.. Ведь и воинов просили его поймать. И местные ближайšie дни с опаской ходили. Воины сказали, хищник был крупный. Но в ловушки не попадался. И кшатрии, что охотиться пытались, так и не нашли его. Он ушёл?.. Тот зверь далеко уже ушёл после убийства моего отца?.. Или... в лесу затаился?.. И... И вдруг выпрыгнет на нас?..

Я совсем уже замучилась. Сказать мужьям о том или не сказать? А вдруг скажу, а Поллав засмеётся, что я так сбежать не смогу от них? Или решит, что я надеюсь на помощь того тигра, чтобы избавиться от своих трёх мужей? А не скажу, так вдруг они невнимательными будут – и сами ему попадутся? Да, может, они слышали итак? Они же говорили с моими соседями. И, может статься, что не об одной лишь свадьбе говорили. Могли ж и расспрашивать обо мне, да о моей семье. Ведь это же разумно: кого-то расспросить о той, которую хотят взять женой. Так говорить им или не говорить?..

– И почему я тогда отругал Джиту?! – не умолчал опять Мохан.

Кажется, это вздохнул старший из музыкантов.

А Садхир сочувственно спросил:

– А почему вы тогда поссорились?

– Да из-за ерунды! – кажется, чувствительный юноша там расплакался. – Но тогда мне это казалось важным. Я ж не знал, что через несколько дней её убьют – и я больше никогда её не увижу! – всхлипнул. – Я даже не хотел помириться с нею! Так и не помирился...

– Странно, что ты столько лет об этом молчал, – голос старшего брата звучал как-то непривычно серьёзно.

Неужели, вид у Мохана, которого вдруг некстати замучила совесть в ночном лесу, такой ужасный, что даже старший брат ему вдруг посочувствовал?

– Ну, просто... просто... – голос бинкара задрожал. – Просто мне было стыдно. Очень стыдно. Что я так и не попросил у неё прощения за мои слова грубые. Что вы об этом узнаете.

– Так и не говорил бы! – проворчал Поллав.

– А вдруг я умру этой ночью? Вдруг меня тигры этой ночью сожрут, а я так ничего и не расскажу? В конце концов, нападения тех разбойников мы вообще не ждали. Никто не ждал!

Чуть помолчав, старший брат добавил мрачно:

– Вот при жене бы заткнулся! Ты уже не ребёнок. Уже мужчина замужний, – чуть помедлив, сказал насмешливо: – Почти.

И от его усмешки мне стало не по себе. Мне тоже грозило это почти. Скоро. Если живыми выберемся. Хотя то, что они старательно меня защищают, немного смягчало моё сердце. Но я всё равно боялась первой ночи. Тем более, ночи с Поллавом. А Поллав никому не хотел уступать своего. И они уже заранее договорились меж собою, как меня делить будут.

Или, всё-таки, не говорить? Ведь они и сами кого-то опасаются, раз достали свои кинжалы, двое вооружённые идут. Всё-таки, лучше, что мужья мои вооружённые. Мне и правда так поспокойнее. Тем более, они мужчины. Трое молодых, здоровых, крепких мужчин. И вот, меня спрятали, вооружились. Я под их защитой. Мне страшно, что мы заблудились ночью, но всё-таки я под их защитой. И даже троих. В чём-то спокойнее быть женою троих.

А они всё шли, шли через темноту. И, кажется, всё ещё не поняли, где оказались.

Мне то хищник вспоминался, который убил моего отца, то вдруг вспомнилось знакомство с двумя асурами. Сны про нагов и богов. Если асуры существуют, то существуют и остальные. И не врут про обитателей других миров. И кто тогда может ночью на нас в лесу кинуться?..

И сердце замерло от ужаса.

А если отца моего убил не тигр? Если отца моего убил демон?.. Вот ведь, отец старосты твердил что-то о ракшасах. Говорил, что ракшасы пришли за нами. И... он мог увидеть кого-то из демонов?..

– И зачем я наговорил ей столько всего? – сказал вдруг горестно Мохан. – Так и не могу себя простить за то!

Кажется, в эту ночь его пробрало на откровения. Боль младшего из мужей, поругавшегося с сестрой незадолго до гибели её и всей родни, сегодня вырвалась наружу. И бедный Мохан всё не мог ни успокоиться, ни замолчать. И даже Поллав его слушал, давая высказаться.

Бинкар всё говорил и говорил, рассказывая, как они вместе играли. Как она его спасала, когда он тонул. Додумалась оторвать край юбки – и бросить кусок ткани ему. Потом и взрослые прибежали на её крики, когда он уже лежал на берегу, замученный, но счастливый. Живой.

Эти и многие детали Мохан вспоминал ярко. И рассказывал о них пылко. С отчаянием. Он так и не смог примириться с ней.

– Но отчего вы всё-таки поссорились? – осторожно спросил средний брат, когда юноша примолк и снова стал всхлипывать.

– Да это... – младший муж всхлипнул. – Из-за мальчишки. Оборванца. Он пару дней шёл за нами, следил за всеми. Я пару раз его видел – то между кустами выглядывающего, то вечером смотрящего на нас с высокой-высокой ветки дерева. Грязный, исцарапанный, волосы спутанные. И бусы какие-то странные, грязью облепленные. Или кровью подсохшей? И взгляд у него был жуткий. Цепкий такой... внимательный... – Мохан шумно выдохнул. – Как у мелкого хищника. Я ещё тогда гадал растерянно: он демон или из неприкасаемых? Но он так и не рискнул приблизиться ни к кому из труппы. Просто следил за нами. Я как будто чувствовал его присутствие. Или... или запах крови из его гноящихся ран?.. Кажется, он был ранен...

Бинкар столько всего помнит! А ведь он тогда был маленький! Хотя я так и не поняла, сколько лет ему тогда было.

– Джита заговорила с ним? – вдруг спросил Поллав.

Но гнева не звучало в его голосе. Только грусть.

– Да, она заговорила с ним.

– Она могла, – добавил старший брат, вздохнув. – У Джиты было доброе сердце.

– Она ещё ему мой ладду отдала! – обиженно сказал юноша. – Тот, который мне отец подарил за то, что я выучил сложную мелодию!

– Ну уж и сложную, – фыркнул старший брат.

– Для меня она была сложной! – возмутился младший.

– Тиграм это расскажешь. В животе, – насмешливо предложил Поллав. – Им это будет очень важно. Сожрать такого талантливый бинкара! Молодого! Да все тигры Бхарат от зависти сохнут!

Садхир кашлянул. Кажется, напоминая им обо мне. Намекая, что я не рада слышать их рассуждения о тиграх, с которыми мы можем встретиться. Да ладно тигры! Я ещё больше боялась ракшасов. Ведь вдруг и вправду отца моего убил демон?.. Говорят, ракшасы страшно кровожадные. Детей едят. Выпивают молоко из груди кормящих матерей. Брр...

– И вообще, это был последний ладду, которым меня наградил отец! – всхлипнул юноша.

Порою он слишком чувствительный. Но, может, просто потому, что очень молодой?.. Братья-то его посерьёзнее.

И я, замерев, выжидала, что они там ещё скажут. Да и... ужасно было вот так плыть над землёй, в темноте, под свёртками, неизвестно куда. А болтовня Мохана как-то меня отвлекала от страхов и мыслей о тиграх и демонах, которые могут обитать в лесу. Идти-то всё равно куда-то надо. Но... но, впрочем, мысли у меня всё равно были невесёлые. Мне было очень жаль Мохана, который так ужасно поссорился с сестрой, которую, очевидно, очень любил. И который носил эту боль от ссоры и вину в своём сердце несколько лет. Каково ему, такому говорливому, было об этом молчать?!

– Предпоследний ладду, – вдруг сказал Садхир, кажется, приблизившись к телеге.

– Но отец больше не давал...

– Мой отец...

– Что там?! – вдруг спросил напугано Поллав.

И я сжалась испуганно. А мужья замолчали, взглядываясь в темноту. Сердце моё бешено билось. Тигр там или демон?..

Но, кажется, обошлось. На этот раз обошлось.

– Зверь какой-то прошмыгнул, – проворчал старший муж. – Мелкий. Так напугал!

И, сколько-то на месте постояв, они двинулись дальше. И опять меня потащили заваленную, в неизвестность. До чего же мерзко так плыть куда-то головой вперёд! Куда приятнее было идти своими ногами, чем когда меня куда-то волочат! Но, всё же, я должна быть благодарна главе семьи, который мало того, что телегу перегруженную тащит, так ещё и со мной.

– Отец хотел дать тебе ещё один ладду, – тихо сказал вдруг Садхир.

– Правда?! – вскричал брат младший радостно.

– Ты ж почти новую мелодию доучил. И так быстро!

Кажется, средний из музыкантов сейчас улыбался младшему, такому оживлённому. И прибавил, чтобы как-то смягчить его сердце и отвлечь от мучительных мыслей:

– Может, и два бы ладду дал. Или больше. Ты очень старался в те дни. Помнишь, даже другим детям тебя в пример ставили?

– Да, было дело... – мечтательно поддакнул бинкара.

И опять они куда-то шли. Кажется, мудрый Садхир шёл впереди. Найдёт он выход или не найдёт? Если бы он и вправду был удачлив, поскольку накопил благочестия, это было бы замечательно. Но, впрочем, Садхир и без того принёс мне удачу: он кинулся в Гангу за Ишой, в ненастье. А ещё именно из-за него отшельник Манджу решил позаботиться о моей сестре. Потому что Садхир когда-то его спас и выходил. Как бы там ни было, средний муж уже очень много сделал для меня. Вот, подарил нарядные дупатты мне и сестре в день встречи. Назвал Ишу своей сестрою. Сказал, что я не столь и страшно поступила, перевязав рану Ванаве

дупаттой. По крайней мере, Садхир этот мой поступок преступлением и адхармой не считал. Почему-то от этих мыслей у меня спокойно стало на сердце.

– Значит, Джита отдала тот ладду другому мальчику... – сказал задумчиво Садхир, немного погодя. – Но послушай, Мохан, это же замечательно!

– Это ужасно! – проворчал юноша. – Это был мой ладду! Я его заработал! И я ей отдал его! Только ей!

– Ты посмотри на всё это иначе: добрая Джита отдала сладость тому бедному мальчишке...

– Вот именно! Она слишком добрая!

– Отдать что-то нуждающемуся – это дхарма, – возразил ему средний брат.

И младший как-то примолк. Согласно. Или переваривая новую идею. Он, кажется, с такой стороны на ту ситуацию ещё не смотрел. Только Садхир мог додуматься.

– И вообще, как я её запомнил... она была милой и доброй. Тот ладду – не единственное добро, которое она сделала. Значит, после смерти Джита попадёт в доброе место. В новом воплощении она будет удачливее обычных. Людей. Снова родится человеком – я в этом уверен. А родиться человеком – это величайшая удача. И твой ладду помог ей совершить ещё одно доброе дело, Мохан. Ты смотри на ситуацию так. Ведь может именно твой ладду, который она подарила раненному мальчику, который несомненно его утешил – тот ладду мог стать поступком, определяющим её путь. И, уверен, следующая её жизнь будет намного легче.

Вздыхнув, Мохан сказал:

– Может... может, она родится в семье кшатриев? Или даже в царской?.. Она очень красивая... была. Ей бы не юбку, украшенную зеркалами носить, а одежды, расшитые золотом и камнями драгоценными.

– Может, будет... – сказал Садхир чуть погодя.

Его, видимо, не очень радовала мысль, что их сестра может родиться в царской семье, если эту жизнь прожила благочестивой. Но ради младшего брата, хоть немного оживившегося, он эту мысль поддержал.

Мы какое-то время молча шли. Потом кто-то из них вздохнул.

– Но, всё-таки, я того мальчишку ненавижу!

Значит, вздохнул младший муж.

– За что? Ты же говорил, что он даже был ранен. А она – помогла страдающему.

– Я застал его, когда он сидел рядом с ней и доедал мой ладду. Представляешь, этот наглый нищий, грязный, голый, сидел с нею плечом к плечу! А вдруг он был из неприкасаемых? – голос бинкара задрожал от гнева. – А когда я кинулся к ним, чтоб оттащить её – он мне дорогу перегородил. Ещё и сшиб меня ударом ноги! Так больно спиной об корень дерева приложился! Прямо всё помутнело в голове!

– Так, значит, он защищал её! – радостно вскричал Садхир.

– Чего?! – обиделся Мохан.

– Смотри: ты пришёл и стал орать. А тот мальчик Джиту заслонил собой. Значит, он боялся, что ты можешь её обидеть. И, выходит, он благодарный. Благодарный человек не может быть плохим.

– Он может быть благодарным только с одним или с немногими, – серьёзно добавил Поллав. – Вот как этот сопляк Сиб! Зовёт, небось, себя сам. То Разрушитель он, то по имени звезды. Всем хамит, но только с одной лишь Кизи вежлив.

– Так ведь она ночью пошла проверить, жив ли он, – Садхир почему-то говорил без злости и обиды. – Только потому, что ей приснился страшный сон. Я бы и сам не мог забыть девушку, столь отчаянно рисковавшую жизнью и репутацией, чтобы проверить, в порядке ли чужой ей... человек.

На слове «человек» он запнулся. Садхир... что-то подозревает о нём?.. А мог бы. Он внимательный.

– С какой там звездой он себя сравнивал? – проворчал Поллав.

А старший из мужей злился. Сильно злился. То ли на меня за ту мою выходку, то ли на Сиба, нашедшего способ пристать к нам всем, став моим названным братом. Только он так и не пришёл. Но, если тот сон о сражении Ванады с какими-то нагом и богом был правдой, то, выходит, Сибасур всё-таки старался выполнить мою просьбу. Вот, во сне том даже на колени перед Ванадой встал. Только чтобы упросить. И в долгу остаться у того не боялся. Но... всё было бессмысленно. Но... где сейчас Сиб? Ванада сражался так далеко от нас?..

Мохан вдруг заорал. Я аж дёрнулась.

– Ты чего? – бросился к нему Садхир. – Что с тобой? Ты... ногу ранил? Или... ты на змею наступил?!

А юноша ещё и заговорил не сразу, всех нас издёргав ожиданием. Но когда он заговорил...

– О, глаза слепого попугая! Плешивого! Да почему ж я?!

– Почему ты сразу не стал орать во всю глотку, чтобы тигры все точно услышали? – не удержался Поллав.

– Сохэйл! – вскричал Мохан, в каком-то странном приступе. – Сохэйл!

– Ты видел звёзды, лёжа лицом в земле? – насмешливо спросил старший брат.

Шорох. Кажется, тот сел. Или встал. Но продолжал повторять отчаянно:

– Сохэйл! Сохэйл! Сохэйл... Сохэйл...

И долго братья ничего не могли от него добиться.

А потом, судя по воплям возмущённым, вцепились в него, обезумевшего, не пуская.

– Я должен идти! – орал Мохан. – Я должен его найти! Сохэйл... Сохэйл!

Потом завопил от боли. Значит, его ударили. Ударить его в таком состоянии мог только Поллав.

– Да что с тобой?! – проорал глава семьи яростно. – Сколько можно орать?!

– Я только сейчас вспомнил... – голос юноши звучал тихо и потерянно. – О, как я не вспомнил раньше?..

– Рехнулся! – старший мужчина шумно выдохнул. – О, боги, за что мне это наказание?!

– Постой, – мягко сказал средний из музыкантов. – погоди, Поллав. Я, кажется, что-то понял.

– Вот и просвети меня, – проворчал старший брат.

Чуть погодя, наверное, встав или сев возле младшего, Садхир тихо и мягко спросил:

– Мохан, тот мальчик сказал тебе своё имя? Его звали... – он запнулся и сам. – Его звали Сохэйл?..

– Так... – голос юноши дрогнул. – Так его назвала Джита. Она сказала... точнее, она кричала... кричала на меня! Мол, не трогай Сохэйла! Он и так едва стоит. Он ранен.

– Сохэйл... – потерянно произнёс Садхир.

Кажется, он тоже догадался.

Ведь Сиб иногда требовал, чтобы его звали Сохэйлом. И... и того одинокого мальчика, раненного, без одежды, их сестра назвала Сохэйлом.

Мог ли... мог ли Сибасур быть знаком с их сестрой? И... и, выходит, что Сиб и Мохан уже встречались прежде?.. Но, даже если так... я всё же не понимаю, что такое с этим именем?.. Почему Сибу так хотелось, чтобы другие звали его Сохэйл?.. Он... он, похоже, обрадовался, когда я назвала его этим именем, как он требовал его звать моих женихов. Хотя и не поверил, что я просто хотела порадовать его, назвав. Одинокий. Недоверчивый. Которому наплевать, что люди косятся на его одежду и странные украшения. Волосы... спутанные волосы... он

ведь похож! Сиб, которого я знала – хотя бы немного знала – похож на мальчика из описания Мохана. Того, который говорил с сестрой моих мужей незадолго до нападения разбойников.

Но... я пыталась спасти жизнь Сибу, пошла к Ганге ночью. И за то Сиб сказал, что я буду его сестрой. Или ещё и за то, что прежде не побрезговала его пригласить в свой дом. И даже, когда другие не хотели, всё равно выбежала за ним и уговаривала вернуться. И... и на берегу, поняв, что он демон или полубог, увидев его, доедающим крокодила... я и тогда показала ему, что хочу с ним общаться. Что я всё-таки ему верю. Малоознакомому, странному, может даже, немного безумному. Но я словами и поступками говорила ему, что я ему верю. И он потом назвал меня своей сестрой. И в тот же день старался меня защитить. И, страшно раненный, едва живой, всё же выпросил моих женихов позволить ему отвлечь жителей деревни на себя, чтобы ему поверили.

Сиб, которого я знала, на самом деле добрый. Или... просто благодарный. И вот ведь, в моём сне он даже на колени перед Ванадой встал, чтобы исполнить мою просьбу.

Если это мой названный брат видел сестру моих мужей... если он только съел ладду, уже стал её защищать... если он в те два дня следил за бродячей труппой...

Он мог тогда её спасти?.. Во время нападения?..

И вот ведь... Мохан упомянул, что на Джите была голубая юбка. И что среди трупов убитых музыкантов и актёров, среди трупов их мёртвых детей не было девочки в голубой юбке.

Тут как раз Садхир озвучил старшему брату то, о чём я подумала.

– По описанию и правда похож, – грустно сказал Поллав. – Но девочек с голубыми юбками было двое. И, даже если среди мёртвых нашлась всего одна... разве это непременно должна быть Джита? Та, девочка, которой не было...

Но Садхир молчал. И Мохан молчал. И Поллав молчал. И тихо было так. Пугающе тихо. Да что с ними?!

Не выдержав, приподнялась, отодвинула свёрток с грязной одеждой и гирлянду.

Они сидели. Все трое. Прислонившись двое к телеге, а Садхир – просто. И все трое были какими-то потерянными. То есть, я видела лица старших мужей. Но Мохан сидел, сгорбившись.

– Я... я не знаю... – сказал наконец юноша. – Я не знаю, что делать, Садхир! Что сказать?.. Я так хотел бы, чтобы наша Джита была живой! Но Кири... – тут Мохан совсем сгорбился и расплакался. – Прости меня, Садхир! Я не должен был так говорить! Кири... Джита...

– А почему... – голос старшего мужа дрогнул. – Почему ты не должен был этого говорить? Джита – наша сестра. Она... – вдруг посмотрел на телегу и увидел мой глаз между гирлянд, сорвался на крик: – Я же сказал, чтобы ты не высывалась!

– Она ни причём, – твёрдо сказал Садхир. – Она просто женщина. А они любопытные. Да и... наши тайны...

– Это наши тайны, – отрезал Поллав. – А ей я ещё не начал доверять.

Как нож вонзил в сердце! Но, впрочем, я и сама ещё не смогла начать ему доверять.

– Давайте... дальше пойдём? – Садхир встал. Ступил к Мохану, робко поднимавшемуся, внимательно смотрящему на него, погладил по волосам. – Я не сержусь. Это правильно, что вы хотели, чтобы выжила именно Джита, – вздохнул. – Но такова жизнь... кто выжил – тот выжил. Кому повезло... кто случайно... может, боги знают?.. Почему умирают одни, но выживают другие?.. – подобрал с земли свой светильник, потом и оружие. – Но, раз мы выжили, нам надо жить дальше. Именно нам, – шумно выдохнул. – Только... – голос его дрогнул. – Я бы должен молиться... чтобы выжила Джита... если случится чудо... – мужчина, такой спокойный обычно, вдруг задрожал. – Я... я не могу!

Поллав вдруг подошёл к нему и крепко обнял. Садхир, вдруг ставший таким потерянными, уткнулся ему в волосы, вышедшие из-под тюрбана.

Видеть их несчастными было очень грустно. Особенно, Садхира. Но...

– Мохан... – тихо позвала я.
– Что?.. – тот сразу обернулся. Заплаканный. И несчастный. Хотя ему ещё было дело до меня и моих слов.

– А Джита сказала, почему назвала его Сохэйл?

– Подслушивала! – гневно выдохнул Поллав, отстраняясь.

Робко сказала:

– У меня есть уши.

– А в темноте редкие звуки привлекают ещё больше внимания, – вступился за меня средний муж.

Ему очень плохо, но он всё ещё думает обо мне! Какой он добрый!

– Она не сказала, – проворчал Мохан, всхлипнул. – Просто... и я так и не могу понять, это было просто совпадение или нет? То был наш Сиб или нет?..

– Даже если этот Сиб общался тогда с Джитой, он ведь теперь шляется один, – резко сказал Поллав, совсем уже брата выпуская. – Сиб – одиночка.

– И не похоже, чтобы его кто-то ждал, – потерянно добавил Садхир.

– Вот! – старший из мужчин шумно выдохнул. – Даже если Сиб знал её. Даже если она его почему-то звала Сохэйлом. Сейчас он шляется один. Я думаю, глупо надеяться, что Джита тогда выжила. Или... Кири.

Значит, девочек в голубой юбке было в те дни двое? И, наверное, они были одного возраста или похожие. И Мохан говорил, что среди мёртвых видел только одну в голубой юбке. И... и что-то здесь ещё было. Кири была очень дорога Садхиру. А Джита – Мохану и Поллаву. Потому Садхир сейчас очень несчастный. Он должен... он вроде бы должен надеяться, что шанс выжить был у Джиты. Но он почему-то не может быть рад этому. Ему дорога Кири. И Джита... тоже дорога.

Сердце у меня замерло на миг.

Кири...

Девочка, которая была Садхиру дороже сестры.

Кири...

Значит... Садхир уже кого-то любил?..

Он... любил Кири?.. Ту, которая так рано погибла?.. Или она была уже помолвлена с ним? Его невестой была?.. Или даже... невеста, которую он любил?..

Или... она могла спастись?

Но... если спаслась тогда Кири, значит, их сестра всё же умерла.

Но, если спаслась Джита, значит, что умерла первая любовь моего среднего мужа. Или же его невеста.

И я... я сама не могу понять, на что я надеюсь? Чтобы выжила их сестра?.. Или чтобы выжила любимая Садхира?.. Любимая Садхира...

И... и почему мне грустно от мысли, что мой муж уже кого-то любил? Ведь мы не были знакомы столько лет! Он вполне мог любить кого-то за эти года, даже нескольких женщин мог любить. Хотя он хотел стать отшельником. Не хотел жениться вообще. Из-за неё?.. Он не хотел знать других женщин кроме неё?.. Он... настолько сильно любил Кири?..

– Да, Сиб шляется один... – Мохан подобрал свои светильник и кинжал и поднялся. – Даже если это был он тогда... он бы мог узнать меня? Ведь Джита и меня по имени назвала в тот день!

– Правда?.. – обернулся к нему Садхир напрягшийся, пытливо всмотрелся ему в лицо.

– Значит, умерли они обе, – резко сказал Поллав. – А ему стыдно было признаваться, что он уже с Моханом знаком. Потому что он не смог Джиту защитить. Он, наверное, тогда ушёл. Или чуть позже. И, когда напали разбойники, его там не было. Он её не защитил. Вот стал бы кто в здравом уме признаваться, что это был именно он?!

– Но Сиб благодарный!

Они резко повернулись ко мне.

Робко сказала:

– Он же старался... защитить меня.

– Да, он, даже почти умирая от кровопотери, всё равно предложил нам помочь, – вступился за моего названного брата Садхир. Отчаянно виски потёр, потом взглядом обвёл нас, притихших. – Я думаю, всё могло быть иначе. Если Сиб благодарный. А Джита дала ему, раненному, тот ладду. И она почему-то знала его второе имя. Он, наверное, ей доверил его. Может, он ещё преследовал нашу трупку, когда напали разбойники. Когда нас рядом не было. Он мог пытаться защищаться. Но что он мог сделать один?.. Ребёнок! Против нескольких десятков мужчин! Вооружённых. Давно учившихся драться.

– Он мог только закопать тело мёртвой Джиты, чтобы бродячие псы его не съели, – устало сказал Поллав. – Но стал бы он признаваться в этом нам? В том, что не смог защитить девочку, которая была с ним добра? В том, что он в одиночку пытался им помешать? Да и... зачем ему признаваться нам, что он так проиграл?

Садхир яростно протёр лицо, задев и сбив на землю свой тюрбан.

– И почему я тогда не смотрел?! – отчаянно выдохнул молодой мужчина. – Почему я тогда побрезговал рассматривать трупы убитых? Эти насекомые, вьющиеся над ними... по ним... женщины с задранными юбками... те, которых изнасиловали... девушки молоденькие... я всё понял... но я трус! Я не стал смотреть на них! – ладони убрал и отчаянно посмотрел на братьев. – Простите, что я тогда не смотрел! Мохан хотя бы запомнил, что там была одна голубая юбка, а я... я ничего не смог... – упал на колени. – Я ничего не смог...

Чёрствый Поллав вдруг подошёл к нему. Опустился возле брата на колени. И... снова его обнял.

– Успокойся, Садхир. Это было ужасное зрелище! Мне и самому тошно было смотреть на него.

– Но если бы я смотрел... если бы я запомнил больше деталей... – Садхир расплакался.

– Мы же не знали, что всё так обернётся, – старший брат встрепал его волосы. – Не знали, что нам надо было смотреть, – вдруг замер, молчал долго – и братья молчали долго, внимательно смотря на него – руки с головы Садхира он так и не убрал. – Знаете... вы вправе меня убить... избить... но я всё-таки... – голос его дрогнул. – Я всё-таки хочу молиться, чтобы там умерла Джита. Я не хочу, чтобы она выжила, пережив всё это. И пусть бы она там сдохла! – он сорвался на крик. – Пусть бы наша сестра там умерла! Пусть бы Сиб прикопал её там, чтобы не смотреть, как она разлагается! Чтобы её не тронули бродячие псы... только бы ей не пришлось пройти через это всё и выжить! – мужчина задрожал. – Только бы не она! Только бы не с ней...

Они долго молчали. И я молчала. Два оставшихся светильника – мои Поллав сам потушил, прежде чем уложить меня в телегу – не могли заполнить своим светом всю оставшуюся темноту. Молитвы Садхира не могли спасти ни его сестру, ни его любимую. Разбойники даже девочек не щадили. Грязь этого мира... она иногда окутывает всё. Темнота иногда окутывает всё. Тамас, который влечёт людей в пучину и заполняет их сознание. Тамас, который превращает людей в жутких животных. Или... они сами?..

Но что теперь?.. Есть что-то в этой жизни, что не изменить.

Но та голубая юбка, которой не было...

То, о чём Сиб мог умолчать...

Я даже не знаю, хотела бы я, чтобы выжила одна из них? Если сестра моих мужей или возлюбленная Садхира это всё пережила... о, несчастная!

– Пойдёмте! – первым поднялся именно Садхир, светильник подобрал, потом кинжал. – Я не могу больше думать об этом! Не могу вспоминать тех лежащих людей. Я хочу просто идти. Всё равно куда. Всё равно зачем. Лишь бы не думать. Хотя бы немного не думать.

Шумно выдохнув, глава семьи признался:

– И я не хочу. Веди нас.

– Я?.. – растерялся молодой мужчина.

– Я в тебя верю, – старший брат сжал его плечо. – Веди нас. Как бы ни мерзко было жить, но мы должны идти дальше.

– Сиб – охотник, – вдруг сказал Мохан. И вдруг улыбнулся. Как-то безумно.

– И что ты снова?.. – устало спросил старший.

Младший повернулся – я успела заметить его горящие глаза.

– Давайте попросим Сиба их найти? Тех мерзавцев?..

Старший из мужчин задумчиво подбородок протёр:

– А что... если он хотя бы немного благодарен был Джите, может, он бы согласился?..

– Он ещё и собрался быть братом нашей жены! – добавил, сжимая ещё крепче кинжал, Мохан.

– Но Сиб ведь и так бродяга, – задумчиво добавил Садхир. И, кинжал на землю положив, подобрал свой тюрбан свободной рукой, надел, потом подобрал оружие. – Может, он и сам их ищет? Только не нашёл ещё?

– Или он уже их убил?.. – мечтательно улыбнулся Мохан.

Кажется, от этой мысли они все ободрились. Даже, если погибли и Джита, и Кири, у моих мужей оставалась ещё радость мести. Или... одна из них выжила?..

– Пойдём! – приказал глава семьи. – Сейчас нам бесполезно об этом думать, – и вдруг Мохана обнял. – Сегодня я рад, что ты много болтаешь, мальчишка! Но пока думать об этом всё бессмысленно. Надо дождаться новой встречи с Сибом, чтобы что-то ещё прояснилось.

И снова путь через темноту. И снова меня тащат куда-то вперёд. Только теперь это жуткое ночное путешествие, да, впрочем, и вся моя жизнь, не кажутся мне ужасными.

Моя сестра всё-таки жива. И не попала к тому кшатрию, Кирану. И моих родных, и друзей, и знакомых не убивали на моих глазах. Меня и других женщин моей семьи и моей деревни не насильовали на моих глазах. Я всё-таки была очень счастливой!

Но до чего же жалко моих мужей! То, что случилось с их сестрой... с любимой Садхира... это ужасно!

– Что это? – вскричал вдруг Мохан.

– Кажется, пещера? – спокойно ответил глава семьи.

– О, так мы можем там укрыться! Я... а-а-а!!!

Не выдержав, села, посмотрела.

Садхир, зажимая кинжал подмышкой – по боку его катилась струя крови – держал за ухо Мохана.

– Не смей! Там может быть логово хищника.

– Или там могут водиться змеи, – подхватил Поллав.

– Но всё-таки это может стать нашим убежищем!

Немного поругавшись, братья всё-таки отпустили в пещеру Садхира.

– Я же, вроде, удачливый, – сказал тот с грустной улыбкой. – Братья мои погибли. Но всё же несколько братьев у меня осталось.

– Иди, – вдруг согласился Поллав, – ты умнее этого мальчишки, – сжал его запястье. – Только вернись живым. Я больше не хочу никого терять.

– Спасибо, – Садхир улыбнулся ему, – что ты не хочешь меня терять.

Поллав, шумно выдохнув, сердито ударил пальцем по правой сережке. И средний брат, внимательно следивший за ним, вдруг зевнул. Потом вдруг сказал:

– Что-то скучно мне в золотых серьгах. Вы не возражаете, если я свои обычные надену?

– От нескольких мгновений ничего не случится, – почему-то охотно согласился глава семьи.

– Если тигры есть, то они явно не передохнут от того, что ты другие серьги оденешь! – бодро сказал Мохан. – А вот если...

Поллав, у которого как раз руки были свободны, зажал рот юноше и к себе его притянул, возмущённо задёргавшегося. А брату среднему почему-то спокойно сказал:

– Меняй. Должна же быть хоть какая-то радость в этой темноте.

Я внимательно смотрела, приподнявшись, как Садхир спокойно прошёл к телеге, серьги из своего свёртка достал, одел спокойно, привычным движением. Но, прежде чем отойти за светильником и кинжалом, он всё же повернулся ко мне. И осторожно ладонью коснулся моей левой щеки. Сказал тихо:

– Не волнуйся. Ничего не случится, – потом осторожно прикрыл меня гирляндами.

И, будто случайно зацепив, свёрток с грязной, потом пропахшей одеждой, столкнул с телеги, в сторону от меня. Мне дышать стало легче. И как-то спокойнее стало внутри от его ободрения. И ещё один взгляд бросив на меня, какой-то слишком серьёзный, Садхир опять пошёл к своему оружию. И на этот раз кинжал поднял первым, потом только светильник. Поллав Мохана, всё ещё вырывающегося, отпустил – и тот отскочил от старшего брата порывисто – и сам свой кинжал достал. Встал возле моей головы.

Они... всё же чего-то опасаются. И внутри боятся, что он хищника логово может найти. И нападения извне. Но... к чему Садхир опять серьгу трогал, на этот раз правую? Он обычно с серьгами не играет своими. Но вот когда шудр пытаться собирались, Садхир часто трогал левую серьгу. А сегодня – правую. Снова знак?.. И... вот зачем, прежде чем в пещеру идти, Садхир серьги передел? В темноте-то разницы нет, золотые серьги или деревянные. Тем более, к чему эта прихоть перед тем, как идти в неизведанную пещеру? Да и что-то я не замечала у Садхира, чтобы его как-то особо вещи волновали.

Сердце замерло напугано.

Перед тем, как пойти первым и начать искать дорогу, Садхир надел бусы и браслеты из рудракши. Мол, ему так думается проще и привычнее. А перед тем, как в неведомую пещеру лезть – даже серьги одел. И... и Мохан сказал, что у плодов рудракши особые свойства. Но... могут ли эти украшения быть волшебными?

И... тигров ли они боятся? Змей ли? Или... демонов?..

Садхир, раздвинув лианы, толстым пологом закрывавшие проход, пронёс внутрь руку со светильником, потом и прошёл сам.

Мог ли он сражаться с демонами?.. Обычный музыкант? Или... просто они в него верили? Сейчас так хотелось верить в кого-то, сильного!

Закрыв глаза, стала молиться Дурге, чтобы защитила доброго Садхира. И чтобы помогла свершиться мести за сестру моих мужей. Ведь девочка была ни в чём не виновата. Это тех разбойников надо было убить! Да даже если то была Кири... Кири тоже была не виновата ни в чём!

Стала молиться всем богам, которые могли бы помочь, чтобы уберегли мою Ишу от бед! И, тем более, чтобы никогда с нею не случилось тех ужасов, которые довелось пережить Джите и Кири! Для меня Иша – это всё. Это самое драгоценное, что у меня осталось в жизни. Последний человек из семьи, который остался на моей стороне.

А ещё невольно стала молиться, чтобы берегли боги моего названного брата. Много туманного было в прошлом. Но я не могла поверить, что он мог навредить Джите или Кири. Он был добрым. Хотя он почему-то умолчал, что узнал Мохана. Или... он сам его забыл? Но, всё-таки, Сибасур мог что-то знать, о случившемся несколько лет назад...

Иша серьёзно перебирала рис. Вокруг носились незнакомые дети. И дома были непривычные.

Солнце постепенно шло к закату.

Тень неожиданно легла у её ног. Голова женская, с украшениями. Только волосы распущенные, с неприкрытой головой.

«Продажная женщина? Или не замужем ещё? Или вдова? Но почему на вдове столько украшений?..»

Девушка напряглась, в тень вглядываясь пристальнее. Но не юбку увидела она под чхоли и накидкой той женщины, а широкие дхоти. И... и меч был в её руках.

Вскрикнув, Иша шарахнулась в сторону, просыпав часть риса в дорожную грязь.

– Пугливая! – ухмыльнулась стоявшая за нею.

Совсем ещё молодая. Натха нет в носу: не замужем ещё. Хотя по возрасту ей давно бы пора. Она старше Иши. И даже старше Кизи. Или с сестрой равная по возрасту?.. Роскошные, вышитые, синие дхоти, тёмно-розовая чхоли, жёлтая накидка с золотой вышивкой. Пояс золотой. И браслеты, ожерелье, цепочки и серьги золотые, массивные. Глаза светлые жирно чёрным канджалом обведены. А взгляд...

Иша вся напряглась, встретившись с незнакомкой взглядом.

А девушка из кшатриев только усмехнулась.

– А кто это тут к нам пожаловал? – высунулся из соседнего дома парнишка.

Но, взглядом встретившись с незнакомкой, застыл и напрягся весь.

Подождав несколько мгновений, да взгляда тяжёлого глаз светло-карих от него не отводя, кшатрийка всё же отпустила взгляд его, повернулась к испуганно сжавшейся Ише, присела возле неё – сестра моя отползла невольно, ещё больше рис просыпала – и вдруг сказала приветливо, улыбнувшись:

– Я просто хотела купить ещё немного риса. У братьев моих вышел. А ехать нам ещё далеко.

– Так что же вам в деревне-то не отдохнуть? – спросил Манджу, выходя из дома ближайшего, во дворе которого Иша сидела.

И с ним ещё старик вышел. И мальчик лет семи.

– Да я и сама могу сходить, – серьёзно ответила девушка с мечом. – Так продадите? Двойную цену отдам.

– Да мне много и не нужно, – сказал старик. – Чего уж лишнее брать? Но у нас не так-то и много лишнего риса.

– А сколько есть, – улыбнулась незнакомка, но улыбка у неё была холодной. – Да, если ещё у кого есть – скажите.

– Пусть внук вам поможет донести, – сказал серьёзно хозяин дома.

– Не надо, – серьёзно возразила девушка. И улыбнулась вроде, а улыбка по-прежнему была холодной, – я и сама справлюсь.

А пока ждала, лениво осматривалась. Но, впрочем, взгляд её часто останавливался на лице и фигуре Ишы.

– А звать-то тебя как? – спросила, чуть погодя.

– И-иша, – ответила девушка, запинаясь.

Незнакомка прищурилась, всматриваясь в неё пристальнее. И на двух серьгах – разных, из пары сестры и моей – на миг задержала взор.

– Защитник?.. – спросила кшатрийка уже насмешливо и засмеялась, громким, резким был её смех.

– Родители мечтали сына родить. Хотя бы вторым ребёнком, – потупилась девушка.

Чуть погода, воительница осведомила – взгляд железный её был таков, что в умении владеть мечом её сомневаться как-то и не приходилось:

– И родили?..

– Нет... – сказала девушка едва слышно. – Быть может, так и не простила их семья. Что поженились самовольно. И что наследника не родили. Но... то есть, было два сына. Но не долго они жили.

– Это грустно, – серьёзно заметила кшатрийка.

И корзину с рисом приняв, золотую монету отдала хозяину. И пока тот отчаянно говорил, что денег-то и нет, чтобы отдать сдачу, повернулась, не слушая.

И вроде ходила в несколько домов, пока корзину доверху не заполнила. И тащила её, тяжёлую, ничуть не напрягаясь, а в другой руке – ножны с мечом. Но, впрочем, взгляд её нет-нет да и возвращался к Ише, торопливо собиравшей рис. словно взгляд охотника на охоте. Цепкий, внимательный взгляд, подмечавший каждую деталь. Но, впрочем, Манджу да хозяин дома не ругались на Ишу, а только рядом присели, чтобы собирать было быстрее.

Хотя Манджу всё же обернулся, словно почувствовав, очередной пристальный взгляд незнакомки. Та, взгляд его поймав, корзиной качнула и голову склонила, будто благодарно к выращившим часть её будущей еды. И деревню совсем покинула. Легко шла, спина ровная, плечи расправлены, голову гордо подняв. Изящная и опасная, словно королевская кобра. И шла она в сторону леса. Шла одна и совершенно спокойно...

Я проснулась, тяжело дыша. Сердце билось взволнованно. Вроде сон был обычный. Только почему-то меня что-то напугало в нём. Нет, не что-то. Взгляд её. Внимательный, изучающий взгляд незнакомки на мою сестру. Кто она?..

Прислушалась – и тишина. Только тяжёлый аромат цветов вокруг, давит на меня, душит. Но мой муж...

Приподнялась. Вот, Мохан и Поллав стоят возле меня. Садхира ещё нет.

Старший муж, на шорох обернувшись, сердито край гирлянды швырнул мне над лицом. И я замерла, глаза прикрыв. Значит, Садхир ещё не вернулся. О, был бы живой!

А сон жуткий ещё долго не шёл у меня из головы. Та девушка. Взгляд её страшный, цепкий. То, как она кружила вокруг моей сестры, как приглядывалась. Будто не с добром пришла. Будто к ней. Но... нет, всё просто ночь. Просто страшная ночь, полная волнений. Дорога сквозь ночной лес, то, что мы заблудились, шутки Поллава, что здесь водятся тигры, страх Мохана, ещё и мои страхи, что отец старосты видел где-то в наших краях демона или даже нескольких. Это страхи виноваты, что мне приснился кошмар. Да, впрочем, в кошмаре том сестра моя была рядом с Манджу. И муж Саралы, и друг его тепло к ней относились, не ругались, что рис она просыпала в грязь. Вместе собирать ей его помогали. И верно. Сестра моя рядом с почтенным отшельником. Он её защитит.

Но Садхир... почему Садхира так долго нет? О, только бы ничего не случилось с этим добрым достойным мужчиной! С тем, кто ради спасения моей сестры в реку с крокодилами смело полез. Мохан за мной кинулся. А Поллав влезть за нею не захотел. Старший муж расчётливый и осторожный. Это средний брат его добросердечным родился. И повезло мне, что хотя бы один из них такой. Но... где же он?.. Что с ним?.. Что там внутри? В пещере? О, только бы живым вернулся Садхир! Только бы вернулся он невредимым!

Мы долго ждали в темноте, вслушиваясь. Но было до ужасающего тихо.

Но только после этой страшной тишины мы смогли ощутить такую большую радость, когда лианы раздвинулись – и Садхир сам вышел обратно. Живой. Невредимый. Ну, если не

считать небольшого пореза, когда кинулся удерживать оружие рукой, чтобы не пустить младшего самому исследовать пещеру.

Даже я села, когда лианы раздвинулись, чтобы посмотреть. И уж едва удержалась, чтобы вовсе не вылезти из телеги и не кинуться ему навстречу, как это сделал расчувствовавшийся Мохан. Тот и вовсе обнимать брата кинулся:

– Ты живой! Живой!

Поллав дал им наобниматься и сдержанно спросил, но, впрочем, улыбку пряча на кончиках губ:

– Так оно может быть укрытием?

– Я всё прошёл, – Садхир не стал отрывая от себя Мохана, давая тому порадоваться вдоволь, чтобы в этой страшной ночи хоть что-то было радостное. – Там нету хищников. Но там очень просторно. Влажно. Как бы там не было гнёзд змей.

Зевнув, светильник свой Мохану передал, потянулся. Щёку левую потёр, основанием ладони зацепив левую серьгу. Случайно или нет?..

– Значит, спать будем снаружи, – решил старший из мужчин. – Один будет стоять и следить. Если будет опасность – кинемся в пещеру и там попробуем спрятаться.

Но напряглась я, увидев, как уже старший из мужей задел левую серьгу.

– Я буду караулить, – сразу предложил средний из музыкантов. – Вы пока поспите.

– У нас ещё дело есть, – глава семьи задумчиво подбородок растёр, потом сурово посмотрел на меня: – Вылезай.

– Может, завтра?.. – осторожно возразил Садхир. – Мы все очень устали сегодня.

– Завтра твоя очередь.

Что?.. Он?.. Сейчас?..

– Я подожду ещё один день, – спокойно сказал мой средний муж. – Столько лет вполне себе жил без жены.

Или всё ещё не хотел ни к кому прикасаться.

Почему-то от этой мысли мне стало очень грустно. Или от торопливости Поллава, который горел желанием совершить последний обряд.

Помрачневший младший муж отступил к среднему. Проворчал:

– А почему я должен ждать?

Садхир воткнул нож в толстую лиану – и сцапал младшего брата за ухо:

– А что твоя жена устала, ты не подумал?

– Так Поллав не подумал! Почему должен думать я?!

Средний из братьев вздохнул, выпустил младшего.

– Хорошо. Пусть сегодня мы все отдохнём. Завтра Поллав завершит... – на меня покоился и торопливо добавил: – А послезавтра будет очередь Мохана. Я потерплю ещё пару дней.

– Мы уже всё решили, – проворчал Поллав.

Подошёл ко мне, сидящей на телеге, сорвал с меня гирлянды. Накидки скинул, связавшие нас. Приказал:

– Пойдём! – и первым пошёл в темноту, окружавшую нас.

Он всё-таки был мой муж. Глава моей новой семьи. И всё когда-нибудь произойдёт, как сказала Аша.

И, вздохнув – мужчина мрачно обернулся на меня – я стала осторожно отодвигать свёртки. Потом встала на телеге – Поллав внимательно наблюдал за мной – пошатнулась...

Подскочивший Садхир поймал меня за руку. И помог спуститься на землю. Всего несколько мгновений я ощущала, как его широкая ладонь сжимает мою руку. А моя рука на его руке казалась такой маленькой. Всего только на миг наши взгляды встретились. Мохан шумно задышал, сердито. Выпустив мою ладонь, да поставив светильник на край телеги, мужчина

осторожно поднял мою свадебную дупатту, один край заткнул за пояс, перекинул через плечо, а другой конец её накинуд мне на голову. Как невесте и жене. Даже сейчас думает об обычаях.

Но в тот миг, когда роскошная шаль ещё не прикрыла мне волосы, впервые покрытые синдуром, мой лоб, я успела заметить взгляд Садхира. Он... тоже жалел?.. Он хотел быть со мною в эту ночь? Или жалел, что не смог уговорить Поллава отдохнуть?

– Пойдём, – приказал Поллав.

И я послушно пошла к нему.

Я всё-таки его жена. Всё когда-нибудь произойдёт.

Хотя, когда мы уходили, я с трудом удержалась от желания обернуться и снова посмотреть в глаза Садхира. Что сейчас было в его глазах? И почему мне хотелось это узнать?

Старший муж на всякий случай не стал отходить далеко. Отсюда ни нас, ни свет нашего светильника не было видно между деревьями. Но и на помощь братьям его прибежать было легче. Или ему – к ним.

Поллав сначала внимательно огляделся. Потом глаза прикрыл, вслушиваясь в ночные звуки. Потом, немного успокоившись, присел и воткнул кинжал в землю. Потом рядом поставил светильник. Значит, сейчас...

Когда он повернулся ко мне, я опустилась на колени. И села перед ним, с лицом, закрытым красной дупаттой. Всё всё равно когда-нибудь произойдёт.

Муж медленно подошёл ко мне – те жалкие пять или семь шагов нас разделявшие – и, наклонившись, сорвал с меня шаль. Проворчал:

– Это лишнее.

Сердце моё быстро-быстро забилося, напугано.

Поллав сел рядом. Сжал мой подбородок. Хотя сейчас не сильно. Но у меня всё равно болело от прошлого его прикосновения. Он заставил меня голову поднять. Заставил посмотреть ему в лицо, освещённое тускло стоявшим на земле светильником – его свет мало доходил до нас, тусклый-тусклый – и твёрдо спросил:

– Скажи правду. Ты женщина или ещё нет?

Задрожав, выдохнула едва слышно:

– Нет.

Он шумно выдохнул. И, подхватив меня левой рукою за спину, рванул к себе, губами впился в мои губы. Жадными, мокрыми, грубыми. Страшно было, когда он сжимал мои губы своими. Его запах пота, перебивавший запах, оставшийся от цветов с гирлянды, от которого меня тошнило. Мужчина вдруг повалил меня на спину. Задрал мой подол. Раздвинул мои ноги. Лёг сверху. Я вскрикнула от боли, когда он опустился и ворвался в меня. Но он лёг на меня, проходя ещё дальше. И заткнул мой рот поцелуем. Мне было неприятно ощущать его внутри себя. И его губы на моих. Я только молилась, чтобы всё это быстрее закончилось. Приподнявшись, Поллав двинулся во мне, причиняя мне новую боль. И опять опустился. Но мои мучения и его резкие движения во мне закончились быстро. Он вдруг дёрнулся и замер. Мужчина ещё и нужду в меня справил. После наконец меня выпустил. Лёг рядом, шумно дыша. Я сжалась. Боясь, что он снова меня грубо схватит и опять начнёт мучить.

Но муж больше ко мне не прикоснулся. И... и дыхание у него скоро выровнялось. Он уснул?..

Он уснул, а я ещё долго лежала, повернувшись к нему спиной и сжавшись в комок. Долго ещё плакала в темноте. Даже светильник в какой-то миг погас – и темнота охватила меня. Темнота захватила всё. Это... этот ужас... это на всю жизнь?.. С ними со всеми?.. И даже Садхир...

А слёзы всё не кончались и не кончались...

Только потом мне вдруг ярко вспомнился грустный взгляд Садхира, который успела заметить, когда он накинуд на меня мою свадебную дупатту. Грустный взгляд.

И я, усталая от многих волнений, стала ещё более усталой от осознания.

Эту ночь я хотела провести с ним. Только с Садхиром. Я... я испытываю к нему не только благодарность?.. Или я хотела его отблагодарить? Он же старался спасти мою сестру... а его сестра умерла... страшно умерла.

Что-то внутри сжалось мучительно.

Но, всё-таки... всё-таки, я ему была не нужна. У него была та Кири. Даже мёртвой она преследовала его! Или она была жива?.. Но... если она жива... если Кири найдётся... то я Садхиру стану совсем-совсем не нужна? Или... он будет терпеть ночи со мной, так, как я терпела эту ночь с его братом?..

Поллав стоял на коленях, подняв раскрытые ладони на уровне подбородка, раскрытые внутренней стороной к себе. Одежда в крови. Руки в крови. На щеках кровавые разводы.

Но страшнее был его взгляд.

Душа, истекавшая кровью, была видна через его тёмные глаза. Жуткий взгляд, который не забыть.

Он что-то сказал. Сказал резко, прищурившись.

И лопнула нить браслета с плодами рудракши на руке мужчины, стоявшего рядом со мной. И неровные, мелкие, тёмные шарики рассыпались у его ног и у ног Поллава...

В тот миг, когда священные плоды рассыпались по грязи, внутри меня что-то мучительно сжалось. И чётко осознала вдруг: как раньше уже не будет.

Когда проснулась, уже рассвело. Небо было ясным. Но ещё солнце не начало прогревать мир.

Резко села. Дрожала от жуткого кошмара. От видения со старшим мужем окровавленным. От воспоминания о его жутком взгляде. Слов я во сне его не слышала. Но от воспоминания о том, что он что-то всё-таки сказал, у меня внутри всё замирало и сжималось.

Мужа рядом не оказалось.

Моя сорванная дупатта линией лежала по земле, ровной линией. После неё лежал потухший светильник. И, наконец, кинжал Поллава. Кинжал лежал на земле, лезвием указывая куда-то между деревьев. Будто приказывал, куда я должна идти.

Обняла свои колени, пряча в них лицо. По руке сползла коса с увядшими, раздавленными, белыми цветами. Я чувствовала себя такой же. Запачканной, мятой. Раздавленной... и мне не хотелось, чтобы всё это было всегда. И счастлива была, что проснувшись после первой ночи, не нашла рядом моего супруга. С каким бы лицом я смотрела на него?! Он... этого боялся? Или ему было всё равно? Да нет же! Если бы он хоть сколько-то заботился, мог бы меня хоть погладить немного. А он сразу мной овладел. Так грубо. Так страшно. Ещё и нужду справил в меня.

Меня передёрнуло от отвращения. Это... это он всегда так будет мучить меня?..

Или... этой ночью он только немного? Потому что сам сильно устал? А другой ночью он меня ещё дольше терзать будет?

Снова расплакалась.

Нет, хорошо, что он ушёл. Что не стал дожидаться моего пробуждения. Я хотя бы поплакать немного могу. А он бы мог разозлиться, если бы увидел такой после ночи с ним. Жёны должны быть услужливыми, ласковыми. Но я не могу!

Постепенно расслышала плеск воды неподалёку. Вслушалась, замерев. Река. И не маленькая. Течение быстрое.

Долго вслушивалась в звуки леса, такие бодрые на свету. Так противоречившие моему состоянию. В звуки воды. Такие манящие...

Потом я снова опустилась на колени, оправив подол. Кровью моей заляпанный.

Я всё-таки стала его женой. Все ритуалы и обряды были проведены. Я не соврала. Он был во мне. Он владел мною. Я эту ночь с ним вынесла. Но я так не могу. Я не хочу жить так!

Я медленно сняла с себя все украшения, которые они купили мне. Даже натх. И тiku с пробора, выдрав несколько волос из тех, за которую крепился крючок с другой стороны цепочки. И мангалсутру с шеи содрала. Странно, что завязки из ниток не оборвались. А мне хотелось бы... туда же её! Украшения, связанные со статусом замужней женщины, я срывала с особым остервенением. И швыряла их на землю грубо, не боясь повредить. Женщина! Я теперь женщина. Замужняя женщина. Но я не хочу! Я не хочу принадлежать ему! Не хочу принадлежать им! Я не хочу, чтобы они каждую ночь издевались надо мной! Грубые животные!

Избавившись ото всех украшений, которые меня с ними связывали, расплела косу, выкидывая нити с помятыми, завядшими цветами жасмина. Следы Поллава со своего тела я уже не смогу стереть. А чужая женщина, та, которую уже кто-то имел, никому не нужна.

Поднялась на дрожащих ногах. И как была, простоволосая, в юбке и чхоли, пошла туда, где шумела водою река.

Ведь Ганга смывает все грехи?..

Или...

Нет?..

Но я больше не могу.

Шаг... другой...

Вперёд...

Что бы мы ни потеряли, мы должны идти вперёд.

Но зачем?..

Я поскользнулась на выпавшем цветке, оторвавшемся от гирлянды. Упала, с трудом удерживая вскрик. Я чувствовала себя такой же. Вырванной из родных мест. Смятой. Усталой. Безжизненной.

А потому только шаг.

Туда, где шумит река.

Камень 32-ой

Там, куда я вышла, река текла другая. Не такая широкая, но и не глубокая, быстрая. И лотосов много-много цвело. Белых и розовых. Я так залюбовалась ими, что не сразу обратила внимание на мужчину, стоявшего в стороне. И даже внимания не обратила бы, если бы он не запел. Первые звуки были без слов, но спеты удивительно чисто и красиво, мягким, спокойным голосом. Красота чистого звука, которая не может не привлечь к себе внимания.

Он стоял у воды, без тюрбана, вьющиеся волосы густо спадали на спину. Простые белые дхоти спускались чуть ниже колен, ещё прилипшие к сильным ногам, на светлом теле блестели капельки воды: он ещё недавно совершил омовение. Стоял лицом к солнцу, на одной ноге, другую опираясь о её лодыжку, держа ладони сложенными в приветствии. И, должно быть, сейчас размышлял о свете солнца, уподобляя его Брахману, сотворившему мир.

Сердце замерло на мгновение, когда он развёл руки в стороны, будто обнимая окружающее пространство перед ним. Будто и реку мне неведомую хотел обнять. Или же охватить хотел и принять в себя солнечный свет.

И, когда он руки поднял и развёл в стороны, я увидела на его запястьях и предплечьях браслеты из рудракши. И чем-то странным повеяло от священных плодов, потомков деревьев, выросших из слёз бога Шивы. Или... внутри меня повеяло?..

А потом встал на землю обоими ногами. И снова он запел. Пронзительно запел гимн – хотя и не тот, который пели брахманы, которых я застала за подобным ритуалом в детстве – и я невольно улетела за волной его голоса и стремления.

Даже когда гимн его закончился, голос его словно звучал во мне. Чистый, чарующий голос. Как замороженная стояла, замерев. Наблюдала за ним, затаив дыхание.

Сейчас, освещенный солнечными лучами, он, казалось, был охвачен сияющим ореолом. Странное зрелище. Он казался богом, от чьего тела исходит свет. Невесомым богом, который вот-вот может взлететь.

Спустя время молодой мужчина опустил руки, стоял какое-то время так. Но всё ещё душа его не хотела уходить от молитв и медитаций. И от берега реки, у которой он стоял. Мне казалось, что вместе с его голосом сама жизнь прошла через меня. Что я наконец-то попала в течение реки жизни.

Мужчина спустился до самой воды, зачерпнул её в сложенные ладони и поднял вверх, словно предлагая солнечному божеству. И снова запел – и снова от его голоса всё затрепетало у меня внутри, снова душа устремилась к нему в какой-то своей лёгкой и взволнованной, искренней песне:

*ОМ! Благо Земному, Тонкому и Небесному мирам! На лучезарный Свет Бога медитирую!
Да озарит Он мой разум!¹*

Кажется, Манджу, которого я случайно застала молящимся на берегу Ганги, молился Солнцу как-то иначе. Но всё-таки в действиях этого мужчины было что-то искреннее. Что-то, обходящее ритуалы. Что-то, идущее от сердца. Пыл его души, обращённой к божественному, заворачивал. От его искренности и света его души, звучащего в его словах, моя душа согрелась. Отступили страхи, совсем забылась злость, которая ещё недавно жила в моём сердце. Только я и божественная сила, поющая через мир, простирающийся вокруг меня. Песня-мантра, спетая верующим искренним сердцем. Или молитва брахмана?..

¹ Гаятри мантра

Невольно ступила к нему поближе, да поскользнулась на маленьком камне. С трудом устояла. Хотя и не вскрикнула. Но мужчина обернулся на шуршание моей одежды. Или будто почувствовал мой испуг.

Сейчас, в солнечном ореоле, он казался каким-то дэвом, случайно спустившимся в мир людей. Его тёплый, взволнованный взгляд. Его ясное лицо...

Я не сразу узнала Садхира в этом молодом мужчине, молившемся так пылко и певшем так красиво. А он застыл, внимательно смотря на меня. Потом вдруг ко мне подошёл. И я замерла, не в силах сдвинуться. Просто я всё ещё была очарована песней его души и музыкой его голоса, охвачена его стремлением подняться над суетой и отдать свою жизнь служению.

И растерялась, когда он вдруг осторожно прикоснулся к моей щеке ладонью и грустно спросил:

– Он был с тобою груб?..

И тут я только вспомнила, что плакала, когда шла к реке. И до того. И, кажется, раннее солнце ещё не успело совсем высушить слёзы на моих щеках. Или глаза мои заплаканные было ничем не скрыть? Если они покраснели, а веки опухли. Если очень много и долго плакать, то это будет не скрыть. Но... но не жаловаться же среднему брату на главу семьи! И... и я вдруг вспомнила, что оставила дупатту в лесу. Выбросила, вместе со всеми украшениями, которые они мне подарили. И... и вместе с теми украшениями, которые должна носить каждая жена. Всё выбросила. Всё! И даже ушла, волосы не заплетя. Будто вдова. Или... или он всё же поймёт, что я шла сюда умирать?..

Взгляд опустив, тихо сказала:

– Я шла сюда, чтобы искупаться.

Врать ему было невыносимо. И вообще, я не любила врать. Избегать старалась этого. Даже в невинных детских забавах. Даже совсем маленькой и не задумывающейся о дхарме и адхарме. Но не говорить же ему, что я по-настоящему пыталась уйти от них! Стыдно стало вдруг за свои мысли.

Садхир вдруг руку убрал и, резко отвернувшись, вошёл в воду. А я осталась одна, чувствуя сожаление и боль. Даже он отвернулся от меня! Именно сейчас, когда мне так хотелось, чтобы хоть что-то держало меня здесь, в этой жизни, чтобы хоть что-то заставило меня здесь остаться!

Но муж не стал омываться. И молиться не стал. Он зашёл глубоко-глубоко. Так что испугалась, умел ли он плавать?..

Но Садхир поплыл. И я запоздало вспомнила, что он и за сестрою моей в воду в бурю кинулся. Я не смогу этого забыть. Никогда. Но... я же забыла об этом. Ещё недавно, когда рыдала и ненавидела их всех. Когда срывала с себя украшения, купленные ими на те деньги, которые они заработали своим искусством. О, как я могла усомниться в нём?.. Что за ужасный день! Даже если Мохан несдержан, а Поллав груб, Садхир всегда был добр со мной. Как мог. Не желая противиться старшему брату, старшему из выживших родных, одному из немногочисленных выживших. И всё-таки он старался заботиться обо мне. О, как я могла усомниться в нём?!

Но он плыл не вперёд. Он в сторону плыл. Он... плыл к лотосам?..

Робко замерев, смотрела, как мужчина приблизился к мясистым стеблям, уходящим на дно, в пучину ила и речной грязи, в пучину, смешавшуюся с грязью людской. Как он возился со стеблём. И как он, зажав отломанный стебель в зубах, плывёт обратно. Омытый солнцем и водою Садхир. И прекрасный, распустившийся, белый лотос в его зубах.

Он не запутался в их стеблях, к счастью. Он спокойно преодолел расстояние между нами. Вышел из воды, облепленный его дхоти. Высокий, стройный, красивый. Но, впрочем, тело его и цветок божественно прекрасный были не столь прекрасны, как его тёплые глаза. Я замерла, столкнувшись со светом этих глаз. И, когда Садхир подошёл ко мне, я не захотела

отступить назад. Даже, когда мужчина встал вплотную ко мне, и только в полшага пространство, совсем малое пространство, отделяло нас. А он ещё потянулся к моим волосам. И я не посмела отобрать у него моих волос.

Муж спокойно заплёл мне немного косу и дальше вплёл в неё прекрасный белый цветок. Большой, с изящными нежными лепестками. Впитавший запах воды. И запах своего нектара. Впитавший частичку божественной красоты. Он ещё и вплёл его так, чтобы запах лотоса доходил до меня, а его сердцевина и лепестки были под моим подбородком, так, что опустив взгляд и, особенно, прижав подбородок к шее, я могла видеть цветок на моей груди, да длинные, ловкие пальцы, осторожно заплетавшие стебель в мои волосы. Впрочем, Садхир осторожно заплетал мои волосы, не касаясь моей груди. И, хотя он стоял так близко и касался части меня, я не чувствовала ни страха, ни смущения. Или всё потому, что это был он? Он был очень добрый.

– Кизи... – вдруг сказал мужчина.

И я робко подняла глаза. Мой муж сейчас был очень грустным.

– Я обещаю тебе, что не притронусь к тебе, если ты сама этого не захочешь.

Растерянно застыла.

– Как мужчина к женщине не прикоснись.

– Но... вы... ты... – начала и смутилась. И снова потупилась.

– Не хочу, чтобы ты плакала так из-за меня, – добавил Садхир серьёзно.

И, немного не доплета косу, осторожно её опустил, и она упала, тугой линией очерчивая мою грудь. От этих мыслей я смутилась. И от того, что сейчас мою голову не прикрывала дупатта. Свадебная дупатта, которую я выкинула. Ох, что я наделала! Что я опять наделала!

– Жена моя, – вдруг тихо сказал он – и снова невольно посмотрела на него.

А молодой мужчина сказал:

– Если захочешь, чтобы я лёг с тобою и ласкал тебя, тогда подойдёшь ко мне и сделаешь вот так, – и вдруг, осторожно обхватив моё лицо ладонями, приблизил свою голову ко мне и, чуть голову наклонив, осторожно прикоснулся своими губами к моим. Какой-то краткий миг, когда он стоял, обхватив своими ладонями моё лицо. Какой-то краткий миг, пока чувствовала, как его губы касаются моих. У него были нежные губы. И это было странное ощущение.

Но миг прошёл – такой же короткий как одна из крохотных капель в море жизни – и Садхир освободил моё лицо и отступил от меня на несколько шагов. Освободил меня от необходимости лечь с ним и отдаться ему. Хотя я была его женою. Хотя...

– Но... вы мой супруг! И я должна радовать вас! – сказала и смущённо потупилась под его внимательным взглядом.

– Ты и так радуешь меня. Своим присутствием в моей жизни. Своим голосом.

– Н-но... – совсем смутилась.

Это было так странно! Ведь жена не должна отказывать своему супругу! И Поллав так набросился на меня. А Садхир меня отпускал. Сразу. Или... врал? Ведь и ночью он тоже должен ко мне прикоснуться.

Быстро взглянула на него. И натолкнулась на серьёзный взгляд. Опять потупилась.

– Ты будешь стирать нашу одежду. Ты будешь готовить нам еду. Ты будешь вынашивать и рожать наследников нашей семьи. Ты ведь и так много всего будешь делать для нас!

– Но разве жена не должна...

– Придёшь и ляжешь со мною, только если захочешь, – твёрдо произнёс средний муж. – Если просто захочешь быть рядом. А если дальше захочешь – поцелуешь, как я тебя поцеловал. Тогда и продолжим.

– Но мы должны вместе ночью...

– Мы много всего можем сделать ночью вдвоём.

Замерла напугано. Только Садхир сказал:

– Да разве мало можно делать ночью вдвоём? Можно говорить обо всём на свете. Рассказывать друг другу наши любимые истории. Рассказывать друг другу, как мы жили до встречи друг с другом. Ведь, по правде, я почти ничего о тебе ещё не знаю. А мне очень интересно узнать, как ты жила прежде.

Всё-таки подняла взгляд на него. И задержала, не в силах оторваться от взгляда этих спокойных и тёплых глаз. И... не хотелось отрываться. Хотя и ближе подойти к нему не осмеливалась.

– Я хочу сыграть для тебя самые красивые мелодии из тех, что научился играть, – серьёзно продолжил Садхир, – спеть тебе самые красивые песни из тех, что слышал. Ведь любоваться красотой мы можем и вдвоём. А ещё можно вместе бродить где-то. Мы обойдём ещё много мест. Мы с братьями редко остаёмся где-то надолго, – на миг взгляд моего мужа погрузнел, когда он смотрел куда-то над моим плечом, словно оглядывая оставшуюся за моею спиной жизнь.

Он... он заботится сейчас обо мне? Или даёт мне обещание, чтобы не прикасаться ко мне, чтобы хранить верность той Кири?..

– Ты, может быть, думаешь, чего я хочу? – серьёзно сказал вдруг мужчина. – Думаешь, чего я добиваюсь, пытаюсь заключить с тобою этот странный договор? Забочусь ли я так о тебе? Или пытаюсь хранить верность Кири?

Он... понял?..

– Да, значит, ты волнуешься с тех пор, как услышала о ней, – голос Садхира погрузнел. – Кири... я хотел бы тебе рассказать о ней. Но...

– Вы с братьями договорились что-то скрывать от меня? – не удержавшись, всё же спросила то, что волновало, что обижало меня.

– Не то, что бы мы хотели скрыть это от тебя, – муж вздохнул. – Просто это всё сложно объяснить. Это долго объяснять, – осторожно сложил пальцы, словно хотел поймать в них воздух. – Но однажды я хочу тебе это рассказать.

Мы какое-то время стояли молча, не решаясь смотреть друг на друга. Когда подняла взгляд, чтобы заглянуть в его лицо, он тоже поднял свой взгляд от земли. Сказала осторожно:

– Прости, что я слишком любопытна.

– Это естественно, что ты хочешь знать.

Глаза у него были ясные. Взгляд согревал что-то внутри. Мне почему-то снова вспомнилось утреннее солнце, поднимающееся в небо, вспомнился свет, обхвативший его.

– Ты так смотришь на меня, что я начинаю смущаться, – вдруг тихо сказал он и смущённо улыбнулся.

– Когда свет встающего солнца окружал тебя, то ты будто был охвачен сиянием. Мне показалось, что вдруг увидела дэва.

– Разве могу я соперничать с великим Солнцем? – серьёзно возразил молодой мужчина. – Это было бы подобно похвале демона Равана.

Засмеялась.

– Что смешного? – недоумённо спросил Садхир.

– Простите, мой господин! Но я вспомнила, как повелитель ракшасов хвалился, что победил бога Сурью. Который просто не пришёл на поединок после его вызова.

– Ты тоже слышала ту историю, – улыбнулся Садхир.

– Я тоже думала, можно ли считать тот неслучившийся поединок победой?

– Но Сурья дэва это не волновало, – улыбнулся снова мой муж.

– Может, он был и прав. К чему тому, кто велик, собирать подтверждения своего могущества и доблести в поединках? Солнце и без того согревает весь наш мир.

Мы смотрели в глаза друг другу. И стояли сейчас близко-близко друг к другу. Но почему-то именно его присутствие вблизи меня не волновало. Как-то спокойно было стоять рядом с ним.

– Ты могла бы... – начал было мужчина, но замялся.

– Всё, что вам угодно, мой господин.

– О, нет! Только не начинай снова! – взмолился он, сразу став расстроенным.

– Но я – ваша жена. И... – голос мой запнулся. – И сегодня ваш день.

Опустилась на колени перед ним, у его ног.

– Приказывайте, мой господин.

Но он почему-то сам опустился на колени передо мной.

– Зови меня Садхиром, – сказал мужчина твёрдо. – Если тебе так хочется получить мой приказ и следовать ему.

– Но жене неприлично звать мужа по имени!

– А мне горько видеть, как ты ведёшь себя, будто моя рабыня. В том, чтоб овладеть рабыней, не вижу ничего красивого и достойного. Или приходи ко мне, как свободная женщина, или не приходи вообще!

Растерянно взгляд подняла на него. Муж выглядел таким серьёзным!

– Шива дэв сказал, что без своей супруги он подобен трупу. Шакти важна в жизни мужчины.

– Но вы ведь не хотели жениться на мне!

Невольно слова мои вылетели резко и даже грубо. Отчего совсем смутилась.

– Шива тоже не думал жениться, – горько улыбнулся Садхир.

– Сати тронула его душу своей преданностью, – сказала и смутилась.

У Сати не было другого мужчины. И она даже пошла наперекор своему отцу, выбрав себе в женихи Шиву, с которым отец её враждовал. Но я... я жена троих! И я уже принадлежала другому мужчине. Я не смогу подарить Садхиру полной преданности, как бы ни была благодарна ему за заботу обо мне и моей сестре. И это так печально!

– Я не жду и не требую от тебя никаких суровых аскез, – серьёзно возразил мужчина и, руку протянув, осторожно коснулся моей щеки. – И я не хочу, чтобы ты сгорела из-за меня, как она.

Что-то было в его глазах... такое...

– Хватит того, что ты просто пойдёшь по жизни рядом со мной. Просто идти по жизни – это само по себе бывает тяжело, верно?

Согласно качнула головой. Это бывает тяжело. Я уже это поняла.

Садхир вдруг потянул завязку одного из своих браслетов на предплечье. И, сняв его, вдруг протянул мне на раскрытой ладони. Правой.

– Примешь такой подарок от меня? – спросил вдруг тихо. – Прости, он не золотой. Я не привык носить золотые украшения. Только на выступления иногда их одеваю. И... на свадьбу. Но сейчас при мне нет золотых украшений.

Пылко возразила:

– Браслет из рудракши приму с радостью!

Он улыбнулся, а я робко подняла руку – свободную сейчас – давая ему самому завязать мне браслет на запястье. Но, чуть подавшись вперёд – и став ко мне ещё ближе – Садхир завязал его на предплечье. Мужчина был рядом со мной, я видела, как вздымается его грудь от дыхания, чувствовала запах воды и ила на его сильном мускулистом теле. Вспомнила невольно, как бросился на меня его брат этой ночью. Но когда наши взгляды невольно встретились, я не почувствовала страха. Испуг мой растаял в его глазах. И что-то было... что-то было в этом мгновении особое. Что-то было, что не мешало мне быть рядом с ним, что-то, что не давало мне бояться его.

Солнце на несколько мгновений накрыла туча. А когда она сошла, когда лучи выскользнули из неё, пробрались из-за ветвей деревьев с берега, то тени причудливой россыпью легли на нас и на землю вокруг. Будто узором легли. Будто мы сидели не на каменистом берегу, а в каком-то строении. Будто в храме, заботливо покрытом каменным орнаментом. Будто не искры солнца падали на наши колени, случайно соединившиеся, а свечение светильников.

Он медленно убрал свои руки от моего плеча и завязанного браслета. Но его странный взгляд на меня... его волосы, слипшиеся от воды, словно пряди спутанных волос отшельника. Вот он медленно поднялся. И я невольно поднялась следом. И снова мы оказались стоявшими очень близко. И... и, кажется, что так уже было? Он и я... да узоры от пламени светильников...

Солнце внезапно закрыла плотная туча.

И на миг мне привиделось, будто мы стоим в каком-то полутёмном храме. Так же близко. И он так же смотрит на меня. Это странное чувство... будто я не боюсь его. Словно я уже давно его знаю. Словно я давно уже верю ему. Это странное чувство... что это со мной?.. Это чувство...

Да нет же! Это проста игра теней! Это просто свет солнца странно пробивается сквозь облака и ветви дерева, ближайшего к реке.

Хотя я почему-то не пугаюсь, будучи так близко от этого мужчины, малознакомого ещё.

– Благодарю, что приняла мой подарок, – смущённо улыбнулся Садхир, кажется, не зная, что ещё сказать, но смущаясь от тишины или моего внезапного пристального взгляда.

– Как я могу не принять его от вас?..

Лучи заходящего солнца были тусклыми и не грели уже почти. А небо – диковинно ярким. Будто в яркое сари облачилось, чтобы остаться хотя бы на мгновение ярким, до грядущей темноты.

Женщина рыдала, стоя на коленях и обвалившись плечом о каменную глыбу. Силы стоять в ногах не было. Сил стоять в душе не было. Подол жёлтой юбки и край жёлтой накидки покрывала кровь.

– Ты ранена? – мужчина взволнованно бросился к ней.

Рука с двумя красно-коричневыми браслетами из плодов рудракши осторожно протянулась к её лицу, пальцы осторожно проскользнули под её подбородок. Едва уловимое прикосновение – и она уже обернулась к нему. И он замер, увидев её заплаканное лицо, веки опухшие её. Пряди волос, выбившиеся из косы, мокрые, с песчинками прилипшими, словно она рыдала, лёжа ниц на песке. Долго рыдала.

– Это его кровь, – дрожащим голосом сказала она.

Мужчина шумно выдохнул. И вдруг руку осторожно просунул между её мокрым плечом, к которому налипли песчинки, и между камнем. И притянул женщину к себе. Она прильнула к нему, снова сотрясаясь от рыданий. Он обнял её крепко. Прижался щекой к её голове. Два сплетённых тела. Два сердца, быстро-быстро, неровно бьющихся рядом. Две смятённых души.

– Прости, что я впутал тебя в это. О, я так боюсь, что из-за меня ты...

– Из ваших рук я приму всё, – тихо ответила она.

Мужчина шумно выдохнул. Они какое-то время молчали, прижавшись друг к другу и ощущая тепло тел друг друга и душ друг друга, так стремившихся слиться воедино.

– Вы просили, чтобы я шла по жизни с вами. Просто шла по жизни с вами.

– Да... – голос его дрогнул. – Я просил. Но это... я не хочу, чтобы ты разделила это со мной!

Она осторожно отстранилась – и он сразу же её отпустил – и, нежно обхватив его лицо своими грязными и исцарапанными ладонями, притянула к себе – и он согласно склонился, голову к ней наклонив – и прижалась лбом к его лбу.

Она повторила:

– От вас я приму всё.

Мужчина и женщина застыли на какое-то время. Потом она первой потянулась к нему. Сжала своими губами его нижнюю губу. Он ещё крепче обхватил её, прижимая к себе. И упал на спину, увлекая её за собой. Оторвавшись от губ её, расплёл косу. Зарываясь пальцами в её волосы. А волосы её рассыпались по нему лёгким, нежным покрывалом. Правда, она вскоре игриво скатилась с него. А он перекатился за нею, зависнув над ней на вытянутых руках. Медленно опустился, сгибая руки и легко касаясь её губ. Их волосы, их губы и бусы из рудракши сплелись воедино. Его дхоти из простой ткани и её сари из простой ткани покрылись узорами из нежных прикосновений...

Вдрогнула, очнувшись. Это видение было таким ярким! И оно даже не приснилось мне! И...

Робко взгляд подняв, встретившись с его взглядом, замерла.

Потому что те мужчина и женщина из моего видения, одетые просто, носившие серьги, бусы и браслеты из рудракши, напоминавшие двух отшельников, имели наши лица. Меня и Садхира! И они...

И почувствовала, как щёки мои румянцем стыда зажгло.

В том видении мы с ним ласкали друг друга. И сливались вместе, словно влюблённые. Или... словно супруги?.. Из одной ткани была наша одежда. И наши украшения из рудракши. И мы слишком волновались друг о друге. И мы шли по одному пути, шли через какую-то большую боль.

Но... кровь на мне... я в видении сказала, что это – чужая кровь. Кто-то умрёт?.. Но кто? И почему я так плакала от этого?.. Что ждёт нас в будущем?..

Но... там мы были вдвоём. И, кажется, уже не в первый раз целовали и ласкали друг друга.

– Такое странное чувство... – сказал вдруг Садхир дрогнувшим голосом.

– Какое? – невольно вырвалось у меня.

– Словно мне привычно стоять возле тебя. Словно я давно уже тебя знаю.

Сердце моё замерло на миг.

Или... или я видела не будущее? А наше прошлое?..

– Я вот думаю... мы могли с тобою уже когда-то встречаться?

Вздыхнув, призналась:

– Я, кажется, не помню, чтобы видела вас в детстве. Разве что... – и мой голос дрогнул.

– Разве что? – спросил Садхир, ступив ко мне ещё на шаг. И оказавшись вплотную ко мне.

Но меня не смутила ни его близость, ни то, что он, более высокий, смотрел на меня сверху.

– Разве что в прошлой жизни?..

Подумав, он сказал глухо:

– Может...

– Вот вы где! – сердито прокричали.

И мы, вдрогнув, обернулись.

На берегу близко от нас стоял мрачный Поллав. Он сжимал в левой руке мою дупатту. Нет, свёрток. А там, судя по неровным углам, что-то лежало. А, это же...

– Почему ты бросила украшения, которые мы купили тебе, в лесу?! – сердито рявкнул старший муж, подняв свёрток повыше и встряхнув. Внутри отчаянно что-то звякнуло.

– Я... я... – начала и задохнулась от ужаса.

Ох, что я опять наделала! Это на их деньги куплено! Хотя должны были мои родители покупать. Не они. А я всё сняла, да ещё ушла. И... и видно же было, что я их просто швыряла, как попало! Ох...

– Она пошла искупаться, – вдруг соврал Садхир, вставая между разгневанным братом и мной.

Он... врёт, чтобы меня защитить? Но он, кажется, не из тех, кто спокойно и много врёт. Хотя тогда он сказал...

– Скорее уж, утопиться пошла! – обиженно проворчал Мохан, из-за спины старшего брата выходя.

Рука главы семьи, сжимавшая мою шаль с украшениями, дрогнула. Глаза расширились. Он ступил в сторону, чтобы видеть меня за братом. Садхир напряжённо следил за ним.

– Ты... ты и правда ходила утопиться?! – потерянно спросил Поллав, потом сразу же нахмурился.

Робко опустила голову и взгляд.

– Но почему?! – вскричал он сердито. – Разве мы плохо заботились о тебе?! – сердито встряхнул дупаттой, в которой глухо звякнули сдавленные украшения. – Разве мы не купили тебе всё это?! Это Яш и твои родственники должны были покупать!

Надо было извиниться, надо было что-то сказать. Но что?.. Извиниться. Но что дальше?.. Сказать что-то было надо, но мои мысли спутались. И страх сдавил моё сердце. Поллава разгневанного я страшно боялась. И...

Застыла, вспомнив другой мой кошмар.

Тот мужчина с окровавленными дхоти, руками и лицом... он что-то сказал во сне, смотря на меня и на мужчину, стоявшего со мной рядом. Сказал – и после я страшно испугалась. И браслет из плодов рудракши вдруг лопнул на руке мужчины, стоявшего возле меня. Плоды священного дерева, плоды драгоценные посыпались с оборвавшейся нити в грязь. У ног стоявшего на коленях Поллава. И мужчины, стоявшего возле меня.

Ведь тот мужчина из прежнего кошмара – это Поллав!

«Это его кровь» – прозвучал внутри меня отчаянный голос.

Это... это было наше прошлое? Или наше будущее?..

Но... если мы уже были знакомы в прошлой жизни...

Сердитый Поллав ступил ко мне. И Садхир поднял руку, заслоняя меня ею от старшего брата.

Старший брат... он умрёт?.. Или... и на нём была чужая кровь?.. Но чья?.. Или... он умер когда-то из-за нас? Поллав... в прошлой жизни умер из-за нас с Садхиром?.. Но... теперь он – старший брат Садхира, а я – их жена. Их двоих.

Шумно выдохнул Мохан.

Нет, теперь я жена их троих. Но... почему?.. Почему?..

Или, всё-таки, видение с окровавленным Поллавом – это видение будущего?

Обхватила голову дрожащими руками. Эти видения воистину ужасны! И почему они начали преследовать меня?.. Почему?!

– Ты напугал её, – сердито сказал вдруг Садхир.

– Я?! – возмутился глава семьи. – Да что я-то сделал?! Разве я плохо заботился о ней?! Я взял её женою! Ту, на которой никто жениться не хотел! Я сам договаривался об обрядах и оплате. Я покупал ей украшения и одежду. Я...

– Мы, – тихо произнёс Мохан, грустно смотря на меня.

Значит, его доля тоже была и в подготовке, и в нарядах. Теперь он обиделся, что я так поступила с тем, что было куплено и устроено на его деньги.

Снова опустила взгляд. Мне противен был Поллав, когда вспоминала об этой ужасной ночи. Но перед младшим мужем, который тоже старался, тоже стало вдруг совестно. Хотя... какой будет моя ночь с ним? Он тоже упрямый, как и старший брат. И тоже любит, чтобы потакали его желаниям. Мне страшно подумать, что и болтливый и дружелюбный Мохан станет таким... ужасающе резким...

Глава семьи шумно выдохнул, однако исправился:

– Мы. Мы все трое сложили наши деньги, которые заработали. Которые копили, – мрачно взглянул на меня: – Что мы сделали не так? Мы заботились о ней и до свадьбы. И собираемся заботиться и впредь. Зачем топиться-то? Скажи, Кизи!

Я молчала. Мне всё-таки стало совестно от его упрёков. Всё-таки, только они решились меня взять в свою семью, да ещё и женой. Хотя и решили делить одну на троих. Хотя только из выгоды. Но... нет, всё же, это обидно, вспоминать, что никто из них меня не любил. А что Мохан шумиху развёл ночью перед свадьбой, так он, наверное, просто пожадничал. Капризничал. Чего не скажешь о Садхире, быстро смирившимся с условиями старшего брата. Да и Поллав как-то готов был делить меня с братьями, по очереди. Но мне обидно, что они придумали использовать меня по очереди. Да и от равнодушия Садхира мне больно. Ведь если бы он не медлил в тот день, если бы не говорил, что хочет стать отшельником, Яш бы мог выдать меня за него! И... и в том видении я и Садхир были вместе, спали вместе... если это было в прошлой жизни, почему он отказался от меня в этой?.. Когда он ещё мог... чтобы я стала женой только его одного.

– Мы же вроде уже договорились обо всём, – продолжил сердито Поллав. – Я с братьями тружусь, чтобы у семьи была еда, а у тебя – висюльки и наряды. А ты – стираешь и готовишь еду. А ещё рожаете нам детей и спишь с нами. Каждый занят своим делом. Каждый выполняет свои обязанности, – шумно выдохнул. – Почему ты пошла топиться после свадьбы?! – сжал сердито накидку с украшениями, встряхнул ею. – Почему ты выбросила все наши подарки?! Даже натх, тикку и мангалсутру!

Садхир шумно выдохнул, но продолжал смотреть ему в глаза – я всё-таки робко подглядела из-под его руки – и мягко сказал:

– Кажется, ты напугал её этой ночью.

– Я сделал всё быстро, – проворчал Поллав.

Смутившись, потупилась. А старший муж сердито продолжил:

– Потому, что она устала. Я заботился о ней!

Средний из братьев тяжело вздохнул. И сказал уже укоризненно:

– Брат... – голос его почему-то дрогнул, но Садхир опять повторил: – Брат, а ты не подумал, что ганики, с которыми ты спал прежде, и эта девочка чем-то отличаются? Ганики обучены всему и ко всему привыкшие. А она – юная девушка, дитя. Что ты с нею сделал?!

– Но топиться... как-то это... – начал потерянно Мохан, но под взглядом старшего мужчины напугано примолк.

– Мне теперь, что ли, топиться?! – проворчал глава семьи, упорно не желая извиняться.

И пальцы разжал – дупатта упала, растеклась по каменистому берегу, словно лепестки раскрыла, открывая украшения. Сверху лежала мангалсутра. Символ нашей супружеской связи. Супружество, от которого я не смогла убежать.

И мужчина пошёл прочь от нас, куда-то в лес.

– Вы... это... – смущённо начал бинкар.

– Мохан! – рявкнул Поллав, гневно обернувшись.

– Уже иду! – торопливо крикнул юноша и побежал его догонять.

Хотя рядом со старшим братом идти не решился. Пошёл на шаг позади. На всякий случай. Кажется, видел, что глава семьи страшно зол. Настолько зол, что младший брат боялся злить его лишний раз. А младшему виднее – он с ним всю свою жизнь провёл, не я.

Жизнь...

Сердце забило неровно.

Но... я и Садхир, сплетающиеся наши тела... это наше прошлое или будущее? И окровавленный старший брат, стоящий на коленях... это наше прошлое или будущее? И чья то кровь была на нём? Я видела его немного. Недолго. Это он был ранен или кто-то другой? Или... кто-то умер?.. Уже умер или умрёт в будущем?..

Отчаянно сжала голову руками, до боли. Но боль лишь на миг вырвала меня из ужасных мыслей. О, я не могу так! Все эти жуткие видения... почему?.. Почему это случилось со мной?.. Это всё Ванада, случайно выпивший воды с моей кровью?.. Или воды, в которой кровь его и моя смешались?.. Чем это грозит мне?.. Ванасур обещал мне, что я стану его старшей женою, но не единственной. А я уже стала чужой женой. Женою троих. И, может быть, что до того, как мы встретимся опять, я успею принять в своё лоно троих моих мужей. Грязная женщина. Чужая жена. Что скажет Ванада, узнав?.. И этот дар видеть что-то иное... я случайно забрала его дар?.. Там Вишну и Лакшми что-то как будто обсуждали о моей судьбе. Но что?..

И... и чья кровь была на Поллаве?.. От воспоминания о пятнах крови, многочисленных пятнах крови на нём, мне становится жутко. И тот его взгляд из моего кошмара... вот бы забыть этот взгляд! Но тот взгляд встаёт у меня перед глазами. Вот, снова вижу его жуткое лицо и как шевелятся его губы... он что-то говорит мне... но что?.. Что он такого мог сказать, от чего так сжимается и обрывается всё внутри меня?!

– Не волнуйся, я ещё раз поговорю с ним, – Садхир осторожно сжал моё плечо, слегка прикрытое чхоли.

– Может... не стоит?.. Я сама виновата, – потерянно посмотрела на валяющуюся свадебную дупатту, будто пятном крови растёкшуюся по острым и мягко закруглённым камням. На валяющиеся на ней украшения, на тикку, выпавшую прямо на камни.

– Он был груб. И, похоже, изнасиловал тебя. Он не прав, – серьёзно возразил Садхир, смотря на деревья, за которыми скрылся его старший брат.

Тихо сказала:

– Я – его жена. И он вправе делать со мной всё, что захочет. В нашу ночь. Ты... вы...

– Хотя бы сейчас обращайся ко мне по-простому, – грустно сказал мужчина, повернувшись ко мне. – Мне не по себе, когда ты зовёшь меня своим господином.

– Но я не хочу, чтобы вы ругались из-за меня!

Он осторожно коснулся ладонью моей щеки. И я замерла от этого нежного прикосновения.

– Я рад, что ты так заботаешься о покое в нашей семье. Но, право же, в этот раз мой брат не прав, – Садхир быстро убрал ладонь и резко повернулся ко мне спиной. – Иди, искупайся. Пусть думает, что ты пришла за этим. Я скажу потом, что Мохан всё не так понял.

– Поллав не станет так думать. То есть...

– А хочешь... – голос среднего мужа дрогнул, мужчина тяжело вздохнул, но всё же продолжил: – А хочешь – уходи насовсем.

– А вы... – голос мой задрожал.

– Хотя бы уходя, не зови меня своим господином! – глухо сказал мой муж. – Даже если ты решишь уйти... позволь мне хоть на миг, хотя бы на каплю быть твоим другом. Если уж муж из меня не получился. Если ты не доверяешь мне.

– Но... – робко протянула к нему руку, не решившись всё же до него дотронуться.

– Уходи! – прокричал он, повернувшись ко мне, но, увидев моё напуганное лицо, произнёс тихо: – Если ты хочешь от нас уйти. Я не хочу смотреть, как ты будешь страдать возле нас.

Робко посмотрела на реку. Дна не видно с берега. Она достаточно глубокая, чтобы растворить мою жизнь и мою боль. Но... стоит ли?.. Я... я тоже давала клятву позаботиться о них у священного огня.

Рука моя опустилась на юбку. И я опять увидела пятно крови на подоле. Снова вспомнила ужасные жадные губы Поллава. И... и всю боль. Всё отвращение, когда он справил нужду в меня. Или... семя своё отдал?..

Меня передёрнуло. Эта ночь с ним была страшной. Но и он, окровавленный, из моего сна, тоже был страшным. Если... если это всё случится из-за меня? Если из-за меня братья однажды страшно поссорятся? Если...

Сердце бешено забилося.

Там... там он стоял на коленях. А я стояла возле мужчины, на чьём запястье лопнул браслет из рудракши. Это... это Садхир стоял рядом со мной?.. Но кровь... это... это была кровь Мохана?.. Мохан погибнет из-за их ссоры?!

Нет...

Сжала кулаки.

Нет...

Только не Мохан! Мохан ничего мне не сделал! Я не хочу, чтобы этот добрый юноша погиб из-за меня!

Но... если я уйду сейчас из жизни, то Мохан не пострадает?..

Я всё-таки ступила к воде. Медленно вошла в воду. Вошла по колено. После отчего-то обернулась.

Садхир всё ещё стоял, повернувшись спиной ко мне. Сжавший кулаки. Кажется, он переживал. Но боялся, что с ними тремя мне придётся долго мучиться.

– Остановилась... – глухо отметил средний муж, голос его дрогнул. – Ты... ты не хочешь потерять жизнь? Или боишься мучений?

Какая разница? Но этот мужчина, кажется, старался дать мне выбор, идти с ним рядом по жизни или нет. Точнее... точнее, вместе с ними тремя. Уйти сейчас или остаться женою троих?..

Снова посмотрела на воду. И снова на напряжённого Садхира. Что-то дрогнуло во мне.

– А вы... – он напрягся, и я исправила: – А ты сможешь спокойно стоять, пока я буду давиться водой?

Я вдруг поняла, что и доброму мужчине будет невыносимо. Хотя он всё же пытался дать мне хотя бы такой выбор. Пока братьев его рядом не было.

– Если... если тебе правда так будет спокойнее... уходи.

Подувший ветер растрепал мои волосы, косу расплзшуюся. И белый лотос выпал мне под ноги. Белый лотос застыл в воде у моих ног. Лотос, который Садхир так заботливо сорвал для меня. Ради которого поплыл, не боясь запутаться в их стеблях и утонуть.

Наклонившись, подняла красивый цветок дрожащей рукой.

Лотос вырастает из грязи, но, когда его бутон распускается, рождается прекраснейший из всех цветов. Красота всегда рождается из грязи?.. Или только лотос способен на это?..

Поднесла цветок к лицу, вдохнула запах. Снова залюбовалась изящными линиями лепестков.

Внезапно взгляд подняв, увидела, что мужчина всё же обернулся и смотрит на меня. Нет, на белый лотос в моих руках. Лицо его серьёзно, губы сжаты, брови сведены. Он о чём-то мучительно думает.

Снова посмотрела на цветок в моей руке. Белый лотос... словно капля души Садхира, которую тот доверил мне. Имею ли я право уходить? Вот так?.. Заставляя его слышать или даже смотреть, как я ухожу на глубину, как захлёбываюсь водой.

– Ты хочешь остаться или боишься мучений?

– А что это изменит?

– Ты... ты хочешь, чтобы я помог тебе уйти быстрее?

Этот странный разговор. И его взгляд, полный боли. Невыносимо!

Грустно улыбнулась своему мужу:

– Я всё-таки не думаю, что ты сможешь смотреть на мои мучения. У тебя слишком доброе сердце.

– Думаешь, я не смогу позаботиться о тебе? – средний муж грустно улыбнулся. – Если я не смог ничего сделать для тебя так, ничего, от чего бы ты хотела остаться со мной, тогда я могу хотя бы отпустить тебя.

Мне не хотелось взгляд отводить. И, кажется, ему тоже. Но, постояв сколько-то, Садхир подошёл ко мне. Осторожно ладони мне на плечи положил.

– Ты же не сможешь!

Он, губу закусив, руки поднял, обняв мою шею.

Время замерло. Его тёплые руки на моём теле. Его грустные глаза... время замерло. Замер он. Замерла я. А просто быть рядом... мы сможем?..

– До ночи не можете подождать?!

Мы, вздрогнув, отпрянули друг от друга. Напугано повернулись к мрачному Поллаву.

Глава семьи быстро дошёл до нас – в одной руке держал охапку тканей, в другой сжимал что-то маленькое – и потребовал, мрачно смотря мне в глаза:

– Открой рот!

Послушно выполнила. Ударит меня по губам? Он... может. Но будет прав. Я не должна была срывать и бросать украшения, которые они мне купили. На которые сами заработали деньги. И, может статься, копили несколько лет. Может, они на эту свадьбу запасы все потратили. А я... я неблагодарная.

Но старший муж не стал меня бить. Только поднёс руку к моему лицу – я напугано сжалась, но с места не сдвинулась – и вдруг вложил в мой рот ладду.

Потом кинул на берег у воды груду одежд. Приказал:

– Постирай! – и быстро пошёл прочь.

– Но ей нельзя! – вылез из-за дерева крайнего Мохан. – Ей нельзя стирать! Если мехенди быстро сойдёт, то её любовь к нам слабой будет!

– Я брал жену не для того, чтобы её любить! – рыкнул на него Поллав, так, что младший брат испуганно попятился, на меня мрачно взглянул. – Я взял тебя в жёны, чтобы было кому стирать нашу одежду и готовить нам еду. Чтобы была женщина, которая родит наших детей. Чтобы было кому молиться о наших предках.

Грустно куснула нижнюю губу. От слов его мне стало страшно обидно. Я понимала, что жён для того и берут, чтобы было кому хозяйство вести, чтобы было кому рожать детей. Чтобы было, кому мужчину в постели ублажать. Но... он так прямо сказал об этом! Так внезапно!

– Если ты будешь таким грубым, твоя жена возненавидит тебя! – сердито сказал Садхир, глядя на него.

Поллав криво усмехнулся, смотря среднему брату в глаза, потом добавил, повернувшись ко мне:

– Будешь ты меня ненавидеть или нет – твоё дело. Но ты всё равно будешь спать со мной. И родишь наследника в эту семью. Для этого жён и берут, – и, резко развернувшись, прочь пошёл.

– Но... – Мохан робко двинулся за ним. – Но она не должна стирать... её руки...

– Хочешь стирать вместо неё? – насмешливо спросил жестокий мужчина.

Младший муж робко покосился на меня, потом – на быстро удаляющегося главу семьи. Снова виновато посмотрел на меня. Побежал к Поллаву. Снова остановился. Старший брат его тоже остановился. Младший опять повернулся ко мне.

– Прости, Кизи! Я... я ненавижу стирать. И... и если ты...

– А ты иди – и найди нам свежих плодов к обеду, – цапнул его за ухо Поллав.

– Но там... там ещё есть сладости! И лепёшки. И...

И взвыл, когда его старший брат больно дёрнул.

– А я хочу свежих плодов!

Шмыгнув носом и дождавшись, когда пальцы его разожмутся, младший из музыкантов уныло поплёлся в лес.

– Прости его, – тихо попросил меня Садхир, когда его братья уже скрылись в лесу. – Может, он просто рассердился, что я ругал его перед тобой и Моханом?

– Ничего. Женщин же для этого берут, – наклонившись, подняла верхнюю ткань.

Кажется, для дхоти праздничных. И прилипло что-то. А, помёт.

Мне вспомнился переполох, устроенный Моханом и какими-то девушками ночью перед свадьбой. Грустно улыбнувшись, пошла дальше в реку, по пояс зашла, ткань сжала и утопила, чтоб вымочить.

– Прости, – повторил средний муж. Он, похоже, искренне расстроился из-за всего.

– Возьми этот лотос, – омыла руку в воде и, вовремя подхватив проплывающий возле меня цветок, протянула к мужчине. – Я позже в волосы его вплету.

– Но... – Садхир смущённо посмотрел на цветок.

Но, впрочем, тут же в воду вошёл, осторожно нежный цветок из моей руки приняв.

Случайно пальцами задел мою руку. И оба вздрогнули от внезапного прикосновения. И оба смущённо отвернулись – я подсмотрела на его отражение, видимое в слабых волнах реки. Когда он вдруг повернулся ко мне, голову подняла и улыбнулась ему:

– Спасибо, что принёс мне этот лотос, Садхир! Это... это было очень мило.

Мужчина смущённо улыбнулся.

– И мне повезло, что в этой семье есть ты. Я верю, что ты будешь обо мне заботиться, – вздохнув тихо, повернулась уже к реке. Подхватила ткань для дхоти младшего мужа, уплывавшую. – В конце концов, то, что один из моих мужей имеет доброе сердце – это уже большая удача для меня.

Он, кажется, так и стоял в воде рядом со мной. Всё ещё сжимая в руке белый лотос. Красивый лотос.

Невольно улыбнулась, вспомнив, как средний муж плавал за цветком для меня, как осторожно вплетал в мои волосы, стараясь не задеть моё тело, чтобы меня не смущать. Он хороший.

– Ты правда хочешь остаться с нами? – спросил Садхир чуть погодя.

– Я уже осталась. Разве не видно?

Я было отвлеклась на растирание пятна от глупости Мохана другим куском ткани, без вышитой каймы. И Садхир неожиданно появился возле меня. И, осторожно притянув к себе правой рукой – в левой отведённой осторожно сжимал лотос – вдруг нежно поцеловал меня в лоб. Ткань выпала из моих рук.

– Спасибо, что дала нам шанс, – сказал мой муж.

– Я... просто... – вконец смутилась.

А потом мы потянулись, чтоб догнать уплывшую одежду Мохана и белый лотос. Но течение реки оказалось быстрее нас. Садхиру пришлось доплыть до середины реки, чтоб их обоих вернуть. Я робко ожидала на берегу. Я думала, он только за брата одеждою плывёт, но он и цветок мой счёл довольно важным, чтоб прилагать свои усилия! О, только бы крокодилы не тронули его! Если в этой реке есть крокодилы.

Но мой супруг благополучно доплыл и до цветка с тканью, и до меня, робко ждущей в воде у берега. На берег вышел, счастливый после удачной охоты. Мне белый лотос протянул. И, взглянув друг на друга, вымокших уже совсем, с нашими трофеями охотничьими, в одежде

облепленной – муж сразу взгляд поднял на моё лицо, чтобы не смущать – и с лицами серьёзными, по которым стекали капельки воды, мы оба вдруг рассмеялись.

И в этом громком, счастливом смехе совсем пропало напряжение, забылись страхи и усталость после тяжёлой ночи.

А потом, когда я, уже отстирав – с трудом – одежду младшего мужа, осторожно свернула её, положила на камнях чуть поодаль от воды, когда потянулась за следующей, то вдруг услышала музыку. Перелив струн.

Недоумённо посмотрела на берег.

Садхир, сидевший поодаль от воды, перестал перебирать струны. Белый лотос лежал возле него в чаше с водой.

– Ты не против, если я тут потренируюсь? Давно уже не практиковался. А тут такой красивый вид...

– Конечно, – улыбнулась супругу, – тебе же надо практиковаться. Музыка вас кормит.

Но, когда уже стала стирать, повернувшись к нему спиной, беззвучно рассмеялась.

Я же поняла, что тренироваться мужчина мог где угодно. Просто хотел меня поддержать, вынужденную стирать груды одежд в первый день после свадьбы. Пришёл поиграть рядом, чтобы мне было веселее.

Его пальцы то осторожно, то быстро-быстро касались струн, извлекая из них спокойную мелодию. Я, прислушиваясь, стирала одно за другим. Голодная, усталая после ночи, полной волнений. Но улыбка не сходила с моих губ. Похоже, что добрый и мудрый Садхир уже начал играть какую-то мелодию на струнах моего сердца.

Камень 33-ий

Когда мы вернулись к выбранному ими месту, там нас ожидали не только фрукты, но и лепёшки, а так же ещё какие-то кушанья с рисом, на банановых листьях разложенные. Что-то, маковым семенем посыпанное. Какая-то зелень с полосками кокоса. Сладости. Ага, лист с горкой ладу, так любимых у младшего мужа, куда же без них.

Поллав поодаль осматривал барабаны, заботливо оглаживая натянутую кожу и их бока рукою, словно любимую женщину ласкал. И лицо у него при этом было спокойное. Непривычно было застать его таким.

– О, вернулись! – обернулся к нам Мохан. И лицо его вытянулось, когда заметил одежду и волосы у обоих мокрые. – Вдвоём, что ли, топились?!

Глава семьи всё-таки посмотрел на нас. Лицо у него стало непроницаемым. Впрочем, он притворился, будто осмотр музыкальных инструментов его интересует куда больше нас.

– Ого, сколько всего! – радостно сказал Садхир, восторженно оглядывая кушанья.

Или просто хотел младшего брата ободрить. Прежде чем пошёл относить вину на место. К ткани, разложенной на траве, возле старшего брата и его барабанов. А я к дереву подошла, чьи ветки были пониже, чтобы развесить одежды. Как раз около телеги.

Ещё присмотрелась, нету ли грязи на ветках, чтобы не запачкать. Рукою отряхнула ветки на всякий случай.

– Проверяешь, не было ли там обезьян?.. – насмешливо спросил глава семьи.

И шумно задышали где-то за мной. Кажется, младший из музыкантов обиделся на его шутку. Я, впрочем, промолчала. И с трудом сохранила на лице невозмутимость. Пусть братья шутят друг над другом. Им уже привычно. А я – новый человек в семье. Не следует мне с ними ссориться. Лучше притворюсь, что не расслышала. Тем более, что ладить мне надо научиться со всеми троими.

Осторожно одежды развесила, чтобы ничего не разорвать. Солнце всё выше поднимается. Быстро высохнут.

Отошла к телеге. Обернулась опять к постиранному. Ничего ли не упало?..

И едва удержалась от того, чтоб не отскочить от Мохана, который оказался возле меня, когда обернулась.

– Слушай, Кизи... – пробурчал младший муж.

– Да, прабуху? – робко спросила я, ожидая, что он хочет сказать.

Это он из-за брата рассердился? Извиниться хочет, что одурманить меня хотел? Досадует, что не вышло?..

Юноша было скривился, услышав почтительное обращение, но всё же по этому поводу умолчал. То ли при Поллаве требовать не будет, чтобы неприлично обращалась к нему по имени. То ли сейчас ему, рассерженному на насмешки брата и напоминание о его постыдной выходке, это обращение польстило. Или он больше досадует, что не вышло?.. Но что он в самом деле? Даже без колдовства я буду принадлежать ему каждую третью ночь.

Он долго-долго молчал, потом всё же поинтересовался:

– Если ты топиться ходила... почему ты сняла украшения?

– Может, хватит уже об этом?! – рявкнул Поллав, свирепо посмотрев на нас. – Сглупила и сглупила. Хватит уже об этом.

– Но, всё-таки, почему?.. – не отставал от меня юноша, хотя и спросил тихо-тихо.

Хотя старший брат его, разумеется, услышал. Поморщился.

Робко ответила:

– Но... но было бы несправедливо уйти, взяв с собою украшения?

– Эти украшения мы купили для нашей жены! – мрачно прищурился старший муж. – Хотя бы натх и мангалсутру могла бы не снимать!

– Но... если бы я... всё же...

– Это, значит, такая забота о нас: утопиться, оставив наши подарки нам, – проворчал Мохан, не удержавшись.

Робко посмотрела на младшего мужа.

– Очень милый подарок: смотреть на них и вспоминать утопившуюся жену! Да ещё и утром после первой ночи! Ты... – юноша сжал кулаки. – Да и топилась бы сразу в них! Зачем нам о тебе помнить?! Мерзкая женщина!

Я могла вынести гнев и равнодушие Поллава, но глаза Мохана, полные ненависти – это было невыносимо. Упала на колени возле телеги. Мир помутнел на миг, глаза защипало. И по щекам поползли полоски слёз. Просто... что я ещё могла сделать?.. Хотя бы так показать, что чувствую себя виноватой. Надо было ещё сказать... но что сказать?.. И вправду они все старались заботиться о своей невесте и жене. А я... в первое же утро после ночи с мужем... да ещё и после главы семьи... ох!

Когда мир снова прояснился, я обнаружила присевшего напротив меня Мохана.

– Как ты могла так поступить со мной? – сердито спросил юноша.

Руку ко мне протянул – сжалась, но с места не сдвинулась – и осторожно погладил меня по щеке:

– Я думал, ты и правда... ушла... в реку. Ушла, чтобы больше не видеть нас. Чтобы больше не видеть меня. Что я не успел ничего сделать для тебя, чтобы ты хотела остаться со мною. И вообще... – юноша сердито куснул губу, но ладони с моего лица не убрал, да и бить меня не торопился. – Это ужасно: пережить потерю тех, к кому стремился и с кем хотел быть. Я уже почти всех потерял. И даже ты хотела сделать это со мной. Зачем?.. Терять близких ужасно! – поморщился. – Да даже чужих... они все лежали там...

От удивления плакать перестала. Он... его и вправду расстроило бы, если бы я умерла! Просто если бы я умерла. В то время, как его старшего брата больше волновала моя неблагодарность и то, что я посмела нарушить наш уговор, Мохана волновало, что я могла умереть.

Робко подняла взгляд на него. Взгляды наши встретились. И сердце забилося неровно. Он был так близко. Прикасался к моему лицу. Но ещё больше меня манили его глаза, непривычно серьёзные. Блеск его глаз.

Внезапный порыв ветра раздул пламя в костре, подняв его вверх. И вымел наружу горящую ветку. Швырнул её на нас, оказавшихся близко к огню.

Мохан среагировал мгновенно, обхватив меня и закрыв собой.

Я упала на спину. Он – сверху. Горящая ветка упала подле нас. Вспыхнула ткань с его пояса, перекинута через левое плечо, его волосы. Я испуганно закричала. Юноша скатился с меня, оттолкнул меня что есть силы в бок, в сторону противоположную от ветки. А сам прокатился по земле, сбивая огонь. И по ветке, спиной и грудью, потому что меня оттолкнул в другую сторону.

Подскочивший к нам Поллав загреб земли, а Садхир оторвал накидку с брата, ухватив за ткань около огня. Пальцы обжог. Но край оставил на юноше, придерживающий его штаны, да конец остался, не задетый огнём, свисавший с другого бока. А Садхир ещё рукою волосы горящие перехватил, пальцы сжал. Поморщился, но не сразу выпустил волосы брата, потушенные своей рукой. Только когда те уже потухли, решился пальцы разжать и отступить в сторону. Мохан застыл на земле.

Что-то внутри меня оборвалось, когда увидела его распростёртым и неподвижным, смотрящим куда-то вверх. Только недавно сама хотела умереть, чтобы с ними не быть, а вот сейчас уже он. Он...

Бросилась к нему, упала подле него на колени. Заплавав, протянула ладонь к его лицу.

Он вдруг протянул руку и, обхватив меня, прижал к себе, так что я, вскрикнув, упала ему на грудь. Обожженную с той стороны. Ох!

А очередной порыв ветра прокатил всё ещё горящую ветку по земле. И снова принёс её к нам. Я, замерев, в ужасе смотрела на неё. А огонь ещё горел. Подбирался к нам...

Дёрнувшись, рванулась вперёд, ещё больше упав на юношу, схватила ветку и отшвырнула в сторону от нас. Ветер снова, будто смеясь, пытался подкинуть её к нам. Но тут уж на неё наступил Поллав. И протёр ногой по земле. Поморщился, ногу опалил, но огонь погасил.

Мохан двинулся, застонал. Торопливо вскочила с него, хотя и осталась сидеть подле него на коленях, взволнованно вглядываясь в его лицо. Просто это пламя... горящая ветка... она что-то будила во мне. Какие-то неясные чувства. Жуткие. И... какие-то иные.

Мохан тоже сел. Посмотрел на старшего брата, подбирающего ветку и тыкающего её концом обугленным в землю. Виновато улыбнулся. Но Поллав, ни слова в упрек не сказав, отправился к костру. И, земли набрав, небольшую насыпь устроил вокруг. Костёр... костёр... огонь... что за странные чувства рождает огонь внутри меня?..

Шумно выдохнув, младший из музыкантов сел, ноги скрестив. Кожа обожженная была и у него на спине, и на левом плече, и на груди. Но всё-таки он был живой. Живой...

Счастливо улыбнулась.

Младший муж осторожно лицо моё двумя ладонями обнял, прижался лбом к моему, тихо попросил:

– Не убивай себя, Кизи! Не поступай так со мной! Умоляю тебя!

Внутри что-то сжалось. Мучительно. Теплота и горечь. Много-много боли вдруг вынырнуло из глубины души, как стрела, сорвавшаяся из лука. Стрела...

Почему-то задрожала. Он отпрянул. Но, впрочем, натолкнувшись на мой взгляд напуганный – и сама не поняла, что вдруг на меня нашло – торопливо поднялся. И к старшему брату отступил. Вот... тот миг, когда мы могли хотя бы немного по-доброму общаться с младшим мужем, я сама разрушила. Оттолкнула его, защищавшего меня. Но Мохан...

Робко взглянула на него, ища его взгляд. Он стоял, не смотря на меня. Сжав кулаки. Наверное, тело его болело сильно, обожженное. Но он не стонал и не кричал. Он, такой шумный обычно, сейчас, пострадав по-настоящему, почему-то был на удивление спокойным и молчаливым. Или обиделся, что я ласки его не приняла? Сильно обиделся? А он спасал меня.

Мне стало мучительно больно. Совестно, что оттолкнула его своим глупым поведением. Его, только что спасшего меня от огня. Огня... что становится с моим сердцем, когда я вспоминаю огонь?.. Что мучительно сжимается в моей душе, когда я вспоминаю о пламени? Когда сейчас посмотрела на костёр, чьё пламя так внезапно встало меж нами? Пламя... это слово мучает меня. Опаляет меня изнутри. Но он ранен. Из-за меня!

Поднявшись, ступила к нему. Два шага только успела сделать.

Юноша вдруг повернулся, будто почувствовал. Наши взгляды снова встретились.

Поллав из виденья был в крови. Чья это была кровь?.. Прошлое ли это или наше будущее?.. Это то, что может случиться или может не быть?.. Или этого уже не изменить?.. Мне становится страшно, когда начинаю думать об этом. Но Мохан... он пострадал из-за меня. Он защищал меня. Но что делать с ожогами? Ах, что делать?.. Я так испугалась, что совсем всё забыла, чему учила меня моя мать. Кажется, можно сделать мазь из трав. Но какие это травы?.. О, как я могла так забыть?! Когда стало очень надо!

Мохан снова приблизился ко мне. Следила за ним, затаив дыханье. И сердце почему-то билось в груди быстро-быстро. Радостно. Всё-таки, он был живой. Живой! Хотя и пострадал сильно. Из-за меня.

Младший муж встал передо мной. В паре шагов от меня. В глаза мне серьёзно и сердито посмотрел. Проворчал:

– Мы же клялись перед священным огнём, что вместе будем! Как ты могла желать умереть?!

Сердце, кажется, остановилось совсем. И дыханье перехватило.

– Мы же клялись! – сердито повторил он.

Мы и вправду клялись перед священным огнём, на свадьбе. И... и я с ним полностью ни дня не провела. И ни единой ночи с ним не ложилась.

Юноша шумно выдохнул, взгляд поднял к небу. К идущему навверх по небу солнцу.

– Когда люди уходят раньше срока... по неосмотрительности уходят... по глупости... до чего же мучительно!

И снова внутри меня что-то сжалось, болезненно. Он защищал меня. А я едва не оставила его. Своего мужа. Едва не оставила его.

Снова подул ветер. Пламя поднял над костром, выше, раздул в стороны.

Мохан, схватив меня за плечи, оттащил в сторону. Я, напуганная, совсем обмякла. А его руки, крепкие, уверенно увлекли меня за собой, к нему.

– Кажется, погода портится, – сказал Поллав, отвернувшись от нас. Тоже на небо посмотрел. – Странно, вроде ничто не предвещало.

А ветер опять раздул костёр. И потушил почти уже. Да что такое с этим пламенем? С погодой что случилось? Будет буря?..

Потом поняла, что всё ещё стою с Моханом. И тот крепко прижимает меня к себе. Я ощущала спиной его грудь. Внутри которой неровно билось сердце. Я чувала запах обгорелой кожи, ткани и волос. Но почему-то то, что я стояла рядом с мужчиной, не волновало меня. Возле Мохана было как-то спокойно. Непривычно спокойно. И он только что защищал меня. И он ранен... ох, его раны!

Осторожно вывернулась из его рук. Он поморщился, выпуская меня. Его раны...

Когда присмотрелась к его ожогам, задрожала от ужаса. А юноша просто стоял и смотрел на меня. Внимательно смотрел. Серьёзно. Непривычно было видеть его таким сдержанным. Как будто он, но и не он одновременно. Он же обычно так сердился и ругался из-за ерунды! А тут столько ожогов, больших, но стоит и... молчит.

Осторожно заглянула ему в глаза. Натолкнулась на серьёзный взгляд. Как будто бы взгляд другого человека, смотревшего на меня. Другого. Серьёзного. Который умеет терпеть боль. Который от боли не переживает. И... этот взгляд... что вдруг на него нашло?.. Тот ли это Мохан, которого я знала?..

– У тебя такое лицо... перекошенное. Кажется, лекарь сейчас нужнее тебе, а не мне, – вдруг усмехнулся юноша.

Старший брат, резко развернувшись, растерянно посмотрел на него. Будто и сам увидел впервые.

Новый порыв ветра пронёс золу и дорожную пыль, какие-то травинки. На этот раз я невольно шарахнулась в сторону. Но из-за стены мусора, пролетевшей между нас и опадающей у ног наших и за нами, я видела его взгляд. Глаза, неотрывно смотрящие на меня. Серьёзный взгляд. Волосы, не прикрытые тюрбаном, которые разметал ветер.

Он стоял на склоне горы, сжимая лук. Ветер развеивал длинные, густые, слегка вьющиеся волосы. Трепал ткань красных дхоти и тёмно-коричневой накидки, поддерживающей их и перекинутой через левое плечо. Одежда в земле и кое-где в разводах травяного сока. Шрамы на левой руке. И подсыхающая кровь на правой ступне. Глаза горят азартом. Свет солнца горит на золотых серьгах и серебряной подвеске на шнуре на шее, на серебряных браслетах на предплечьях и запястьях.

Вот, заметив меня, повернулся ко мне. Открывая поцарапанную щёку, заляпанную кровью. И вдруг улыбнулся. Безмятежная улыбка скользнула по его губам.

Худой и высокий. Он казался твёрдым, как эта гора. Таким же несокрушимым. Словно какой-то дэв, спустившийся в мир людей. Или какой-то могущественный демон.

Ветер сдвинул ткань его дхоти, облепляя ногу. И я с ужасом поняла, что это не разводы узора, а капли крови под нею. И запоздало заметила кровавый след, тянущийся от него куда-то за гору. Раненный. Он раненный!

А юноша стоял, продолжая всё так же безмятежно улыбаться мне.

– Ты... вы...

Рванулась к нему, поскользнулась на окровавленном камне, падая...

Но вниз не упала. Сильная рука подхватила меня под спину. И его оцарапанное лицо оказалось возле моего. Я ощущала его колени возле моих. Запах усталого тела. Запах крови. Чувствуя, что моя юбка и моя нога намокают от его крови.

– Такое лицо у тебя... перекошенное. Как будто лекарь тебе нужнее, чем мне, – сказал он вдруг насмешливо.

И вдруг рванул меня к себе. Отчего своей грудью налетела на него.

– Но с горы прыгать – это лишнее, – серьёзно сказал кшатрий у меня над ухом. – По крайней мере, не при мне. Прости, но мне как-то грустно на это смотреть.

Он ещё какое-то время придерживал меня. То ли боясь, что упаду. То ли нарочно, пользуясь ситуацией и тем, что я была слишком напугана и не вырывалась.

Потом, правда, отстранился. Внимательно в лицо мне посмотрел – робко замерла под его взглядом.

– Пойдём, провожу, – сказал первым он – и двинулся к тропе.

И я осторожно пошла за ним. Робко переступала между камней. А он напряжённо останавливался, когда звон колокольчиков на моих ножных браслетах замирал. Останавливался и оборачивался. А я замирала, вспоминая, как меня удерживала его рука. Как мы стояли, прижавшись друг к другу. И сердце моё начинало биться неровно.

– Пойдём?... – спрашивал молодой мужчина.

И я каждый раз осторожно переносила ногу между камнями, делая ещё один шаг к нему. За ним... это было странно – идти за ним. Волнительно. И как-то непривычно спокойно...

– Не ты ли дразнил слона на празднике? – проворчал Поллав. – Если бы слон тебя задавил...

Вздвигнув, очнулась. Младший муж всё ещё стоял передо мной, неотрывно смотря на меня. Это... что это было за виденье?... Наше будущее?... Он драться начнёт?... Стрелять выучится?..

Юноша снова улыбнулся. Смущённо, не выдержав мой пристальный взгляд. И снова стал похож на себя самого. Вот, поморщился от боли. Хотя и не заплакал.

– Странно... – растерялся вдруг и Поллав. – Ты всё ещё молчишь. Тебе совсем не больно?

– Больно, разумеется, – криво усмехнулся бинкар.

Или... не он?..

Взглянула на него растерянно.

Мог ли то какой-то дэв или демон принять облик младшего мужа?... Уж больно сдержанным он вдруг стал! Столько кожи обжог, плоть сжёг местами. Это должно быть очень больно, но он всё ещё терпеливо молчит о том!

С воплем Поллав вдруг отшатнулся в сторону от костра, в котором ветер опять раздул огонь.

– Да что за?..

Младший из музыкантов тоже посмотрел на поднявшийся огонь. Долго смотрел.

– И верно... – вздохнул и Садхир – средний из братьев, о котором мы как-то забыли в волнениях, обнаружился у телеги, что-то ищущим в двух свёртках развёрнутых. – Ты и сам-то, Мохан, едва не погиб.

Что-то внутри меня снова заняло.

Или... то виденье о молодом воине с лицом Мохана – это его прошлое?.. Или... наше прошлое?..

Ветер опять раздул огонь в костре, снова ветки перемешал, издёргал. На этот раз почти прогоревшие. Они, расплевавшись огнём, теперь только разметали искры.

Или... пламя – это подсказка для него?.. Или даже... для нас обоих?..

Что-то, связанное с пламенем... что-то, связавшее нас... связавшее нас ещё давно. В этой жизни я его прежде не видела. Но... значит, в какой-то из прошлых жизней мы и с Моханом уже встречались?..

А Садхир продолжил возмущаться, хотя и не отрываясь от своих поисков:

– Думаешь, нам приятно было смотреть, как ты глупо подвергаешь себя опасности?! Что тогда на тебя нашло?!

– Но ты-то тогда... – начал было Мохан, сердито посмотрев на него, но осёкся, вздохнул. – Хорошо, я понял. Теперь я понял, как жестоко было рисковать своей жизнью, обидевшись на вас. Жестоко было с моей стороны заставить вас страдать. А сегодня я увидел из-за Кизи, каково это... прочувствовал сам.

Поднял правую руку, словно хотел прикоснуться к солнцу, ещё терпимо яркому и сверкающему, но всё же поморщился – боль отозвалась в груди, с обожжённого места.

Сейчас, в этот миг, когда младший муж смотрел на небо и будто играл с солнцем, мне вдруг как-то легко и светло на душе стало. Так бывает, когда после трудной работы и большой жары наконец-то удаётся смыть грязь. И тяжесть уходит вместе с водой. И грязь уходит. И становится легко-легко на душе. Словно чего-то страшного уже не осталось. Словно теперь жить будет уже легче.

Юноша повернулся. И наши взгляды снова встретились. Робко ему улыбнулась. Страшно было услышать, что он мог в детстве погибнуть. И всё-таки хорошо, что Мохан дожил до этого дня! Вот только его ожоги... его страшные ожоги, полученные, когда он пытался защитить меня...

Внутри снова что-то мучительно сжалось. Но, когда он вдруг улыбнулся мне в ответ, своей широкой и обычной улыбкой, будто уже перестал на меня злиться, у меня на душе снова стало легко.

– Ну, хорошо, ты, может, чуть и поумнеешь, – проворчал Поллав, мрачно на него покосившись, – но вот Кизи... – посмотрел уже на меня, я задрожала под его тяжёлым взглядом. – Как ты могла до такого додуматься?.. Мы же уже договорились! – мрачно прищурился. – Тем более, что мы обещали, что не будем пользоваться твоим телом все сразу. Что не будем все на это смотреть, когда ты будешь в объятиях одного из нас. И ты бы и так с одним мужем проводила ночи. Каждую ночь. И тут ты каждую ночь будешь только с одним из нас.

Я невольно проследила взором за Моханом, который прошёл за его спиной и встал с другой стороны. Он где-то тюрбан потерял. И ветер трепал его волосы, чуть выющиеся, длинные...

И мне снова вспомнился охотник или воин со склона горы. Сильный и красивый...

И... Поллав, окровавленный. Стоящий на коленях...

И... и мужчина с брашлетом из рудракши, возле меня. Возле нас... отчётливо вспомнилось, как лопнул брашлет, как бусины-косточки просыпались в грязь, у их ног и моих...

И миг, когда сама потянулась поцеловать Садхира... как мы ласкали друг друга, лёжа, ещё не снявшие одежду...

Мы... мы все четверо уже когда-то встречались?.. Но что связало нас?.. Это была одна жизнь или разные?.. Потому что я видела, как увлечённо и нежно ласкала Садхира, а он – меня. Потому что я видела, как ухажу вслед за Моханом, раненным, но спокойно сжимавшим лук.

Что было между нами всеми?..

И... и это странно! Странно, если мы все когда-то уже встречались! И странно, что в этой жизни они родились братьями. И из всей бродячей труппы, из всех сыновей их семьи выжили только они трое. Что связало их друг с другом?.. Что связало их со мной?..

Мохан поднял целую руку, чтобы смахнуть волосы с лица. Ветер ещё немного поиграл с ними. И притих, будто и не было его. Где-то он оставил тюрбан. Не успел замотать. Или потерял. Может, когда обнаружил, что меня нет. Кажется, это младший муж обнаружил моё исчезновение. И украшения сброшенные нашёл. И всё моё желание понял правильно. Он же и переполошил старшего брата. Но Поллав, кажется, подумал, что я просто пыталась сбежать. Сбежать, нарушив наш договор. Нарушение договора главу семьи больше всего беспокоило. Кажется, единственный способ сколько-то мирно жить со старшим мужем – это выполнять уговор. И вообще, обычаи его не нарушая. Но... эта ночь... и следующие...

Вздрыгнула невольно. И взгляд торопливо опустила.

– Кизи... – начал было старший из музыкантов.

– Да отстань ты от неё! – проворчал вдруг Мохан. – Чего ей напоминать-то? Ещё не наступила следующая ночь. Тем более, что она будет не твоя.

Возмущённый глава семьи открыл было рот, чтоб что-то сказать. Но младший брат, обожжённый, так мрачно взглянул на него, что старший призадумался вдруг, что тут ещё сказать. Кажется, ему всё же хотелось напомнить мне об обязанностях жены. Но и младший брат пострадал. Внезапно. Ох, надо что-то сделать с его ранами!

– Вот и нашёл! – сказал громко Садхир от телеги, отвлекая их. Или нарочно обрывая грозившуюся начаться ссору.

И радостно понёс к нам какой-то круглый, маленький горшочек, тканью перевязанный. Нет, к младшему брату понёс. Ого, у него и лекарственное снадобье оказалось припасено? Запасливый!

Мохан терпеливо снёс, пока его средний брат мазью обмазывал. А Садхир смолчал, что и сам руку обжог, срывая с него горящую ткань. И Поллав молчал, серьёзно за ними следя. Нет, за вздумавшим перечить младшим братом. Или он задумался, что юноша сегодня подозрительно серьёзен? Или даже Мохан прежде не мог спокойно стерпеть даже малую боль?.. Но тогда, выходит, что-то и правда на него нашло. Или это был сейчас не он, а какой-то бог или демон, обманывающий нас? Но куда же тогда пропал настоящий Мохан? И когда пропал?..

– Ты правда не обожглась? – уточнил вдруг младший муж, взволнованно.

– Н-нет... – смущённо ответила, смотря на него.

– Вот и всё, – довольно сказал Садхир, отступая от него. – Как здорово, что я много мази тогда наготовил!

– Как чувствовал?.. – мрачно спросил Поллав.

Молодой мужчина замер растёрянно. На старшего брата посмотрел недоумённо. На опустевший горшочек в руках.

– С флейтой накануне свадьбы ты тоже очень кстати вдруг надумал из дома выйти, поиграть, – проворчал глава семьи, с подозрением глядя на него.

В этот странный миг мы все друг друга в чём-то подозревали. Точнее, почти все.

– Ты свою руку намазать забыл, – бинкар вдруг твёрдо сжал запястье пострадавшей руки Садхира.

Тот растерянно посмотрел на пальцы, сжимавшие его руку. И на лицо младшего брата взгляд перевёл.

Мохан, поморщившись, снял пальцами другой руки часть мази, с края ожога на груди и осторожно размазал по пальцам обожженным Садхира. Средний и старший брат смотрели на него так потрясённо, словно в первый раз увидели.

– Ты там не рехнулся ли? – спросил вдруг глава семьи. – Какой-то ты сегодня... не такой. Будто подменили.

– Да кому я сдался-то? – беспечно улыбнулся Мохан.

Но Поллав недоверчиво подошёл к нему. Прошёл кругом, пристально оглядывая. Встал напротив, оглядывая с головы до ног.

– Вот что с тобой сегодня вдруг случилось?

Засмеявшись, юноша вдруг обхватил за плечи обоих братьев, рванул к себе. Садхир от неожиданности горшочек выронил – и тот разбился.

– Я ж никому не нужен кроме вас! – бодро сказал Мохан, их обнимая ещё крепче, растерянного среднего брата и пытающегося вырваться старшего. – Кому меня подменять? И зачем?

– Мазь смажешь! – возмутился Садхир, уже замазанный целительным зеленоватым средством.

– Ой, подумаешь, беду нашёл! – засмеялся снова бинкар. – Да я обратно намажу! – и подхватил пальцами с бока его мази развод, себе на ожог вернул.

Вздыхнув, уже и Садхир сказал:

– Странный ты сегодня какой-то.

– Я просто подумал... – Мохан неожиданно посерьёзnel. – Просто здорово, что у меня есть вы. Вместе веселее, чем одному.

– Что-то не припомню, чтоб ты ещё и был благодарным, – проворчал Поллав.

– Да просто... – смутился уже юноша. – Я просто подумал вдруг... просто подумал, что здорово, что в моей жизни есть вы. Брат Поллав и...

Глава семьи шумно выдохнул.

– И брат Садхир! – бодро закончил Мохан, снова кидаясь их обнимать и прижимать к себе, вырывающихся. Хотя средний брат смирился почти сразу.

– Слушай... ну, ты же не мог вдруг поумнеть? – проворчал старший из мужчин.

– Ну, а вдруг? – рассмеялся юноша.

Вздыхнув, Садхир предложил:

– Давайте уже поедим?

А я растерянно наблюдала за ними. Они... были связаны со мной? Все трое?.. Или в колесе Сансары были связаны мы все? И они друг с другом тоже?.. Или... я просто с ума схожу?.. Хотя про раненного Сиба виденье сбылось. Вот только он сам... где мой названный брат бродит сейчас?..

– Да, давайте есть! – радостно сказал бинкар, их наконец-то отпуская.

Глава семьи отступил на несколько шагов от него. А заботливый Садхир принялся снимать мазь с себя, обратно на раны младшего брата намазывая. Или...

Снова взглядела в их лица. Такие разные... но Мохан и Поллав были заметно похожи.

Их родители из разных совсем царств, похоже. Тот из родителей, на которого похож Садхир – кожей намного светлее, видимо, из северного какого-то царства. А тот, на кого похожи Мохан и Поллав – из южного какого-то царства, более темнокожий, и черты лица крупнее.

Глава семьи мрачно посмотрел на меня. Потом уже на братьев. На младшем надолго взгляд его задержался.

– Я что-то не то сказал? – огорчённо спросил бинкар.

Помолчав для солидности или из вредности, чтобы его потомить неизвестностью, старший из музыкантов проворчал:

– Я просто жду, вспомнит ли хоть один из вас?.. Но, кажется, так ни один и не вспомнит.

– А что мы не так сделали? – спросил уже и Садхир, но, впрочем, спросил спокойно и серьёзно.

Поллав вздохнул. Тяжело. И сказал твёрдо:

– Иди сюда, Кизи, – и направился в сторону.

И я, перепуганная, пошла за ним. К зарослям. Ох, нет! Он же не будет сейчас?.. Прямо при них?! При свете дня?!

Но старший из мужей остановился возле телеги. И, снова вздохнув, нами замученный или неужённым младшим братом, покопался среди свёртков. И обернулся ко мне, держа красивую, круглую, серебряную шкатулку. Небольшую.

Замерла испуганно. Особенно, когда он открыл её. Но там оказался лишь красный порошок. Кумкум?..

Старший муж поставил шкатулку и крышку на телегу – они её чем-то подпёрли, так что она сейчас стояла ровно. И, повернувшись ко мне, сжал ладонями мою голову.

Напряжённо сжалась. Он помрачнел. Но трогать меня при братьях и при свете друга лотосов не стал. Или он не этого хотел?.. Мужчина между тем разделил мои волосы пополам, видимо, чтоб был прямой пробор, как у замужней женщины, а волосы разделённые обратно мне за спину перекинул. Потом шкатулку поднял, левой рукой.

Палец правой руки обмакнув в порошок, Поллав поставил мне точку между бровей, по центру лба. Потом провёл пальцем по волосам, по пробору, от лба и вверх, по центру. Потом, шкатулку закрыв, отступил. Значит, только бинди и синдур были его целью? Ах да! Старший муж привык, чтобы обычаи и традиции исполнялись, основные.

А мужчина как раз развернул красную дупатту, мою свадебную. Натх вытащил. Ступил, закрепляя мне его кольцо в левой ноздре. Он рукою мою щёку задел. И я снова невольно напряглась. Он шумно выдохнул, заметив, что боюсь его прикосновений. Но всё же цепочку закрепил за мои волосы. Потом степенно извлёк мангалсутру, одел мне на шею. Немного в сторону лег центр ожерелья. Как-то странно на меня посмотрев, муж подхватил золотую круглую подвеску и переместил в центр, между моих грудей. И ладонью, будто издеваясь, провёл по моей обнажённой шее и даже по левой груди. Я опять сжалась от его прикосновенья. Потупилась.

А Поллав невозмутимо достал тикку, осторожно уложил на моих волосах, поверх синдура. Уверена, чтобы и пробор по центру был, чтобы и цепочка подвески ровно по пробору легла, позаботился. Закрепил крючок в волосах. Потом саму подвеску поправил, чтоб лежала по центру лба. Опять меня задел. Он надо мною издевается?! Или мстит младшему брату, который меня обнимал у него на глазах?

И, пока он опять не стал меня трогать, волосы подхватила сама, стала торопливо заплетать в косу. Мужчина усмехнулся, отступая. Или, всё же... со мной играл?.. Робко посмотрела на него, вдруг посерьёзневшего. А украшения он на меня спокойно цеплял. Ах да, Садхир же сказал, что старший брат его к ганикам ходил. Он их там и раздевал. И, одевал, видимо.

– Вот, теперь похожа на приличную замужнюю женщину, – с усмешкою сказал Поллав.

И шнурок мне подал, нащупав где-то в свёртке. Обычный, может, тем, что кто-то из них волосы подбирал. Или что-то ещё.

Робко ухватила за край шнурка, подальше от его руки. Он усмехнулся, но отпустил. Торопливо косу перевязала. А Поллав мне свёрток протянул, развязывая. Дупатты. Разные. Красивые-красивые. Намекает, что надо бы и голову прикрыть. Как приличной замужней женщине. И, кстати, я вот этих, крайних, прежде не видела. Я было невольно руку протянула к голубой и с серебряной вышивкой. Но, вспомнив, руку от неё отвела. И, чуть помедлив, достала зелёную. Которую сам старший муж купил мне, после того, как сказала, что люблю зелёное. Торопливо край обвернула вокруг юбки. Через плечо перекинула. А другим концом, расшитым, прикрыла волосы. Торопилась, чтобы муж не вздумал мне помогать, снова меня трогая.

Но, когда облачилась совсем и испуганно посмотрела – его уже рядом не было. Он уже к кушаньям разложенным пошёл.

И осторожно пошла за ним.

У чаши с белым лотосом в воде остановилась. И, не выдержав, подобрала. И робко косу расплела, вплетая его стебель в волосы у головы. До конца косу заплела, вновь перевязала шнурком. И ступила к ним, уже нарядная.

– Если тебе так не нравятся украшения, при своих одевайся проще, – серьёзно заметил Поллав, подбирающий с листа один из ладду, под пристальным взором голодного Мохана. – Но символы замужней женщины ты носить обязана всегда.

– Хорошо... мой господин.

С ними у еды не села, села поодаль, за Поллавом. Приличная жена ест уже после мужа.

– Всё-таки, родители тебя чему-то учили, – усмехнулся Поллав. – Ладно уж, сегодня ешь среди нас. Ты, наверное, очень голодная.

Робко посмотрела на него. Старший муж улыбнулся мне. Немного виновато даже.

Ладони сложила у груди. Нет, подняла к шее. Голову склонила:

– Благодарю, мой господин!

И тогда уже робко села у него. Хотя и не совсем рядом. Шага два разделяло нас.

А ещё между нас шлёпнулся Мохан, утащивший три ладду сразу. Глава семьи посмотрел на него как-то долго, но умолчал. Юноша сразу притянул к себе лист с ладду. Нет, передвинул сладости ко мне. Притворяясь довольной, взяла один шарик и съела.

– Тамф поф телефоф куффин, – объяснил юноша, не желая расставаться с любимыми своими сладостями надолго.

– Там нимбу панч, – главный из мужчин пояснил. – Убрали его в тень.

Сок лимона с водой, да ещё и прохладный, будет очень кстати. Тем более, что солнце уже поднялось. Уже стало жарко.

– Но ты больше не топись, хорошо?.. – серьёзно попросил Мохан, еду прожевав и проглотив.

Смущённо потупилась. Рука моя так и замерла у халвы из моркови. Вроде бы среди свадебных угощений её не было. С собою, что ли, несли?

Садхир, сквозь листья и кушанья перегнувшись, сцапал младшего брата за прядь волос и дёрнул что есть силы. Возмущённо взыв, юноша отобрал свои волосы. И торопливо пересел с другой стороны от меня, подалее от среднего брата. Проворчал сердито:

– Ты чего вдруг?..

– Оттуда, где им хорошо, люди не убегают, – серьёзно ответил молодой мужчина. А потом невозмутимо потянулся к халве. Хотя и взял с другого края, чтобы пальцы мои не зацепить.

Мохан рот открыл, чтобы что-то ляпнуть, но снова прикрыл. И до окончания трапезы был подозрительно серьёзным и молчаливым. Непривычно серьёзным каким-то. Садхир сам встал, принёс кувшин с напитком. Сначала старшему брату отдал. Тот отпил, ему вернул. Сделал два глотка. Протянул Мохану. Тот принял, улыбувшись. Потом уже младший муж мне кувшин передал, выпив едва ли не половину. Понятно, Садхир мягко напомнил нам порядок в семье.

Ели мы в общем-то спокойно. Можно сказать дружно. И сидели довольно-таки близко. Было непривычно. Но, впрочем, теперь всегда так будет. Теперь мы всегда вместе будем.

Робко оглядела своих мужей, украдкой.

Но почему судьба объединила нас четверых именно так?..

После обеда Садхир старшего брата отозвал. И они куда-то за деревья ушли. И их долго не было. Мохан сначала лёг, потом, поморщившись, вскочил, сел. Снова поморщился. Потом, вспомнив, вытащил из содержимого телеги кинжал с ножнами, сел возле меня уже с оружием. И лицо стало каким-то очень серьёзным. Он мне снова воина из видения напомнил. Но...

все эти видения... почему?.. Или... это варианты будущего?.. Что я останусь с Садхиром или Моханом?..

– Может, если начнётся буря, мы сможем переночевать в пещере? – вздохнул наконец младший муж.

Осторожно спросила:

– Тебе там понравилось?

Он, вздохнув тяжело, признался:

– Я там ещё не был. Туда ходили только Садхир и Поллав, по очереди. Но чем-то им та пещера не понравилась. Хотя вроде и опасного там и не нашли вроде. И змей там не было.

Прошёлся туда, сюда. И взглядом всё равно косил в одну сторону. Кажется, холм с пещерой расположен с той стороны. На меня потом смотрел. Кажется, юноше не терпелось туда слазить. Но и меня одну оставлять боялся.

– Она очень близко? – спросила я наконец, сжалившись.

– Довольно-таки близко. Я бы быстро... – он остановился возле меня. – Или пойдём вдвоём?..

– Но тут ваши вещи!

– Наши! – сердито исправил он.

– Наши... – согласно повторила я. – Но не дело их оставлять.

Он ещё какое-то время ходил туда и сюда. Кругом ходил. До дальнего дерева в стороне холма и обратно.

– Я ещё боюсь, что они вернутся вдвоём. Садхир-то мог бы посидеть с тобой. Но Поллав может меня не отпустить вообще, – со вздохом поделился Мохан со мною своими огорчениями.

– Тебе так нравятся пещеры? – невольно улыбнулась.

– Нет. Но к этой меня тянет. Я же её вообще не видел. И почему братья не хотят там остановиться? – глаза его любопытством зажглись. – Может, там скелеты валяются?

Меня передёрнуло.

– Вряд ли бы мы стали делать тут стоянку, если бы там было логово хищников. Слишком близко, – мысли его всё ещё были там.

– И верно, – головою согласно качнула.

Не стали бы мы тут оставаться, если бы старшие братья сочли пещеру опасной. Хотя ночью там им что-то определённо не понравилось.

– Я... это... можно я на чуть-чуть схожу? – не выдержал наконец-то Мохан. – Только загляну под побеги листьев, что там внутри – и сразу вернусь.

– Там же темно. Вроде.

– А я светильник зажгу. Кажется, ветки внизу не успели ещё остыть.

Или любопытство любознательного юноши ещё не успело остыть. А над тем, как пробраться в пещеру, он уже думал.

– А тебе я оставлю свой кинжал. Или возьму от Садхира. Он, кажется, ушёл без своего. И ты можешь кричать, если что-то заметишь. Ты ведь будешь кричать?

Вздохнула. Но всё-таки сказала:

– Но ты только сразу возвращайся, хорошо? А им скажем, что ты отходил... – под взглядом его заинтересованным смутилась, но всё же продолжила: – По нужде. Ты же не стал бы прямо при мне?

– Это... как-то... – юноша смутился, потом пылко выдохнул: – Нет! – смущённо смахнул прядь волос за спину. – Но так-то план хорош.

– Но ты должен очень быстро вернуться, чтобы они поверили.

– И чтобы с тобой ничего не случилось, – серьёзно продолжил он.

Мы немного молчали. Потом он заинтересованно в сторону посмотрел. Ту же. Видимо, таинственная пещера, в которой бинкар ещё не был, была именно там.

– Я... это... всё же схожу?.. – робко спросил он.

– Сходи, – улыбнулась.

Мохан просиял сразу. Тем более, что я его отпустила. А от братьев он, кажется, не ожидал такой щедрости. Ну, или не сразу. А ему не терпелось сходить и посмотреть.

Он поднялся, к телеге прошёл. Принёс мне ножны с кинжалом, кого-то из братьев.

– Встань, – попросил, – я покажу тебе, как обороняться. Ты должна знать. Если что... но я буду молиться, чтобы с тобою ничего не случилось.

Послушно поднялась. Он кинжал вытащил, ножны отбросил. Вложил рукоять в мою ладонь.

– Вот так ударять, – и движением левой руки показал, забыв, что обожженная та сторона и плечо. И поморщился. Но не застонал. И ругаться не стал.

Я повторила.

– Нет! Не так! – возмутился юноша. И снова показал, другою рукой.

У меня опять получилось не так как надо. Да и кинжал был тяжелее кухонного ножа. Более массивный. Лезвие другое.

Мохан вдруг встал за мной, шагнул почти ко мне. Ощутила на моей спине его дыхание. Напряглась. Он правую руку пропустил под моей правой, пальцы свои сжал поверх моих. Чуть за собою кисть моей руки увлекая, положение показал.

– Вот так держи.

– Х-хорошо.

Сейчас мы оказались одни. И он стоял за моей спиной, очень близко. И я не видела, что он там делал. И почему-то испугалась. Или меня утомили эти многочисленные сны и видения, которые в одну историю никак не укладывались. Или... меня околдовал Ванада? Тогда, у реки? Но что теперь со мною будет из-за колдовства асура?..

Мохан вдруг левую руку из-под моей левой протянул, положил мне на живот. И вдруг рванул к себе, к своему телу прижимая. Я напряглась. А он вдруг, дупатту и косу мою подвинув, поцеловал меня в спину обнажённую. В вырезе со спины.

Я задрожала.

Он губами вниз скользнул, по моей коже. Сердце моё бешено забилося. И я ощутила, как его спокойное сердцебиение стало быстрым и неровным. А если они вернуться и увидят?.. И... и он станет таким же страшным, как и Поллав?.. Нет! Только не он! Или они вернуться, когда мы уже...

Меня передёрнуло от ужаса, когда представила, что старшие мужья вернуться, когда он меня уже разденет. Или вопьётся в меня... этим...

Мохан так застыл. То ли почувствовав, как напряглось моё тело, то ли о братьях вспомнив. Я ждала, что он будет дальше делать. Боялась вырваться. Боялась его обидеть. Он всё-таки мой муж. И он сегодня меня спасал, пострадал из-за меня. Но при свете дня... когда неясно, когда вернуться его братья, а они могут вернуться в любой миг! При свете дня... как он смеет?.. Как он может так поступать со мною?! Хотя бы дождался темноты. Хотя Поллав уже видел моё тело. И Садхир однажды увидит. Нет, он тоже видел меня, выходящую из воды, одеждою мокрою облепленной, дважды. Но... но не сейчас же! Не здесь! Только не здесь!

Камень 34-ый

Он всё же отстал. Отпустил мою кожу. Сказал печально:

– Грустно, что сегодня не моя очередь.

Вывернувшись – часть его мази смазалась на мою шаль – проворчала:

– Ты просто делиться с братьями не хочешь?!

– А если... нет? – спросил юноша хрипло. – Разве я не могу... просто хотеть? Или... – голос его дрогнул. – Просто любить тебя?

– Скорее уж хотеть, – проворчала я, отступая. – Ты видел меня в одежде облепленной и...

– А, да... – правда, вспомнив, он всё-таки смутился, потом добавил, потупившись: – Но ты была красивой. Красивее, чем статуи апсар на стенах храма.

Мне припомнились рассказы об одном из храмов. И то, чем там фигуры, вырезанные из камня, занимались. Щеки обожгло румянцем от стыда. Но... но ведь он это будет однажды делать со мной?

Мрачно посмотрела на него. Смотревшего сердито. Взгляд опустив, заметила и его грудь, плечо, с которых сильно мазь стёрлась. А ещё он, наверное, и со спины смахнул, когда пытался полежать.

Проворчала:

– Вот зачем ты мазь стёр? У Садхира больше нету.

– Можешь намазать на меня обратно ту, – он указал рукою на разводы на моей дупатте и руке.

Мне страшно было к нему прикасаться. Но ожоги его были ужасны. И коварный Мохан получил их, защищая меня.

Вздыхнув, кинжал на землю положила. И ступила к нему, тщательно снимая мазь с моей руки. Он как-то пристально следил за тем, как мои пальцы идут по моему предплечью, по локтю, по руке.

Не выдержав, возмутилась:

– Не смотри на меня так! Ты... – потупилась. – Ты меня смущаешь.

– Но ты моя жена, – но сказал младший муж это как-то слишком грустно, наверное, снова вспомнив о братьях.

Однако надо было мне позаботиться о его ранах. И, ступив к нему, осторожно касаясь, намазала на сильно обожжённое место мазь, снятую с себя. Потом с дупатты выжала, сколько получилось, другое место намазала, сильно повреждённое. Ему явно было больно, но юноша молчал. Внимательно смотря на меня. Потом, руку правую протянув, меня к себе притянул. Вскрикнула от неожиданности. А он осторожно коснулся своими губами моих губ. Я робко замерла. Он нижнюю мою губу чуть сдавил. Губы у него были нежные. И сердце моё ещё быстрее забилось. Но он сам первый отпустил меня. Сказал, усмехнувшись:

– Там, кажется, и со спины смазал. Пока пытался уснуть. Может, ты сдвинешь мазь с краёв ожогов, на центр? Пусть те места заживут скорей.

Сказала грустно:

– Тебе больно будет.

– А твоя дупатта всё равно уже замазана в моей мази, – ухмыльнулся Мохан.

– Ты... – я задохнулась от возмущения.

А глаза его тёмные смеялись.

– Ты это нарочно сделал?! Чтоб они видели?! Чтоб они думали...

– Я просто хотел тебя поцеловать. В спину, – серьёзно ответил младший муж. – Просто так. Просто стало вдруг интересно, какая у тебя кожа наощупь. Но, впрочем, ты права. Так они поймут, что ты была очень рядом со мной. И будут ревновать.

Отчаянно спросила:

– К чему это?! Что, если вы поссоритесь?

– А вот не стоило им нас двоих оставлять, – ухмыльнулся Мохан.

– То же мне причина!

– А по мне: вполне себе причина, – он рассмеялся.

Ступил вдруг ко мне. Испуганно отскочила. И вскрикнула от боли в ноге. Но не упала – он меня за запястье подхватил вовремя. И обратно к себе притянул. Что захочет, то и делает. Только старшего брата и боится. Которого рядом нету.

Но на этот раз младший муж меня совсем к себе прижимать не стал. Только прижался лбом к моему. И так замер. И я напряжённо замерла. Он всё ещё держал меня за запястье, но осторожно. И дёрнул только когда я начала падать, чтобы задержать. Поллавав меня жёстче хватал. Но... я боюсь желаний Мохана. Он что хочет, то и делает.

Младший муж мою руку отпустил. Но моё лицо двумя ладонями обхватил, пока вырваться не додумалась. Хотя так и стоял, лбом к моему лбу. Глаза прикрыв. Сказал вдруг:

– Так спокойно... странно!

И всё-таки он был мой муж. Наверное, не стоит совсем уж отталкивать его. И я послушно застыла, давая ему хоть так меня потрогать. Это вроде бы было не слишком уж неприлично. Или всё же?..

Он глаза вдруг открыл. Наши взгляды встретились. Не слишком удобно так смотреть. Хотя странно. Что мы так близко друг от друга стоим. И его глаза...

Кровь стекала по его рукам, обнявшим моё лицо. Кровь стекала между волос из раны на голове...

Какое-то время мы сидели, прислонившись лбом ко лбу. А он слишком долго молчал. И, когда я, дрожа, двинулась, вдруг безвольно упал на меня.

Задрожала. И торопливо схватила его руки.

– Твои раны...

Но крови с его рук не текло. И, когда взгляд подняла, то кровь лицо его не заливала. Просто виденье.

– Ты сердисься, что я трогаю тебя днём. И меня пугаешься. Но всё же беспокоишься, не тяжелы ли мои ожоги, – он вдруг улыбнулся, но как-то иначе, не насмешливо, а как-то... нежно?..

Он живой. Всё ещё живой. И, кажется, это главное. Но те видения... они меня замучили! Где там прошлое, а где там будущее?.. Не понимаю. И был ли тот Мохан, истекающий кровью и сознание потерявший или даже умирающий, возле меня в прошлом – или это его участь в будущем – тоже неясно. Но мне страшно думать, что с ним что-то может случиться!

– Можешь размазать остатки мази на середину ожогов? – вдруг спросил юноша, внимательно смотря на меня. – А то Садхир расстроится, что вся мазь пропала впустую.

Сердито прищурилась:

– Или ты просто хочешь, чтобы я тебя касалась? Раз тебе так интересны все ощущения от прикосновений?

Мохан рассмеялся, потом, внезапно посерьёзнев, признался:

– Но просто так ты же не будешь меня касаться?

Тяжело вздохнула. И с губ невольно сорвалось:

– Ты невыносим!

И, сообразив, что сказала ему грубость, замерла напугано. Но младший муж только рассеялся. Потом уточнил:

– Тогда хотя бы ради Садхира вернёшь хоть часть мази, где ей положено быть?

Вздохнула. Но обошла его, приглядываясь к мази. Уже начавшей подсыхать. Слюной её размачивая, сдвинула, чтобы покрывала самые страшные места, где кожа сгорела и... поморщилась сама. Но он молча терпел. Даже не дёрнулся. Ему... так хочется, чтобы я к нему прикоснулась? Ради этого так мучается? И план этот дурацкий придумал!

Но, впрочем, я ещё сердилась за его вольности. И что так меня подставлял. Поэтому начала с того, что схватила его за ухо.

Мохан всё же вздрогнул, сказал напугано:

– Поллав, я не... – и, отчаянно вывернувшись, обернулся. И лицо у него было страшно напуганным. До того, как понял, что за его спиной была только я.

Невольно рассмеялась. Громко. Звонко. Совсем о приличиях забыв.

Муж сначала нахмурился, глядя на моё веселье, потом вдруг рассмеялся и сам. Всё-таки меня простил. И он так мучался, чтобы спасти меня от огня! И мужественно мои прикосновения к повреждённой плоти терпел. Ради того, чтобы почувствовать мои прикосновения.

Сжалившись, протянула руку к его лицу. И осторожно, робко погладила по левой щеке. Он замер на миг, растерянно. Потом осторожно обхватил моё запястье. И сам щекою о мою ладонь потёрся. Смущённо замерла. Но он, впрочем, скоро меня выпустил.

– Но ты... это... ты, кажется, собирался посмотреть пещеру?

– Может, пойдём вдвоём?

Но в темноте рядом с ним мне было страшно очутиться. И соврала, что буду вещи сторожить. А он пусть, как и договаривались прежде, быстро сбегает, посмотрит.

– Выпроваживаешь меня теперь, – проворчал молодой мужчина.

Но, впрочем, рассмеялся почти сразу же. Кинжал подобрал. Мне вручил. Костёр расковырял. Но там ветки уже догорели. Он, вздохнув, притащил ту ветку, из-за которой пострадал. С трудом разжёл от углей. Странно, я боялась, ему не захочется к ней прикоснуться. Затем младший муж светильник достал с телеги, где масло ещё не закончилось. Или его дополнили. Зажёл. Своё оружие подобрал, вытащил из ножен. И, вооружённый кинжалом и светильником, торопливо ушёл.

Впрочем, уходя, пару раз остановился и обернулся. Теперь, кажется, ему уже не хотелось уходить от меня.

– Громко кричи, если что! – каждый раз говорил Мохан, оборачиваясь.

Я задумчиво отнесла ветку, причинившую ему столько мучений, обратно в круг костра. Села с кинжалом возле.

Вроде бы он сказал, что пещера где-то рядом, но всё не шёл и не шёл. Уж не случилось ли что? Да и братьев не было.

Не выдержав, вскочила. И едва не ткнула ножом в мужчину, беззвучно подошедшего ко мне. Дхоти из простой ткани оранжевой. Как и накидка через плечо левое. На запястьях и предплечьях браслеты из рудракши. Бусы из рудракши в два ряда, одни заметно короче. Усы длинные и длинная борода. Волосы длинные, распущенные. А, нет, сверху ниткой с рудракшей подвязанные немного, в узел. И три полосы пеплом на лбу нарисованы.

Брахман?.. Или аскет?.. Кажется, аскет.

Смущённо молвила:

– Простите! – и торопливо отступила. На всякий случай.

Почему он так подошёл беззвучно? Мне страшно от его умений! И не стоило приличному человеку подходить молча, со спины, без приветствия!

– Кажется, вы одна остались, – сказал мужчина серьёзно.

Лет около тридцати. Статный, лицом красивый. И... и всё может, если вдруг схватит. По крайней мере, мне неожиданно стало страшно.

Торопливо сказала:

– Муж отошёл... по нужде, – и запнулась, будто от смущения.

Но пусть думает, что кто-то из мужей моих рядом.

– Простите, что побеспокоил вас, – серьёзно ответил мужчина. – Я просто издалека иду. А воды всё нет и нет.

– Там река, – указала рукою с кинжалом, смутилась, что всё ещё держу оружие при нём, но и расстаться с кинжалом страшно было. – Кажется, там. Я была там недавно.

– Значит, скоро уже, – путник вздохнул и мимо меня прошёл, куда указала.

Смущённо добавила:

– Я... я, правда, не очень помню. Я... я бы угостила вас водой с лимоном. Но мы – из шудр. А святому человеку, кажется, нельзя есть еду из рук у шудр.

Мужчина остановился, степенно ко мне обратно повернулся, окинул меня взглядом, быстрым, ни на чём неприлично не задерживаясь.

– Из шудр?..

– Просто... мои мужья... мой муж... – начала и смутилась.

– Ваши мужья вас очень любят – и заботятся, чтобы вы одеты были красиво, – он улыбнулся.

Странная у него была улыбка. Будто он и так всё знал. Но это странное чувство...

Потупилась. Хотя взгляд мой скользнул по браслетам из рудракши на его запястье. Тоже таким же по цвету и форме, как и у мужчины в моём видении. И как у Садхира. И я что-то запуталась, Садхира ли я видела рядом с коленопреклоненным Поллавом или кого-то ещё?.. А от этого мои видения стали ещё более неясными и запутанными.

– Просто...

– Они музыканты.

Посмотрела на него – он как раз смотрел на вину и барабаны разложенные.

– Но всё же заботятся. Вот какие прекрасные одежды вам купили, – незнакомец снова посмотрел на меня. – Что у вас мужья – то дело ваше. Я вас ни в коем случае не осуждаю, – чуть помолчав, добавил: – Но от нимбу панча я бы не отказался. К тому же, я аскет. И не из брахманов. Пожалуй, что пицца ваша меня не осквернит.

– Вы из преданных Шиве?

– Я... пожалуй, что так.

Но мужчина как-то странно запнулся, хотя и только на мгновение. Я положила всё-таки кинжал, хотя и страшно боялась расстаться с оружием. И сходила за кувшином, поднесла ему.

– Мы, правда, уже пили...

– Ничего, я не брахман, – он усмехнулся. – О, моя вам благодарность! – и с наслаждением сделал несколько глотков.

Я, чтобы много в глаза ему не смотреть, как и положено чужой жене приличной, отступила – ведь и рядом с чужим мужчиной быть не положено – и взгляд отпустила. И застыла напугано.

У незнакомца не было тени!

Но, с усилием притворившись спокойной, всё же взгляд подняла. Или чтобы смотреть за ним. Хотя и не прямо ему в глаза. А так, немного в сторону, чтобы всё же и движения таинственного существа видеть. Хотя... если он не имеет тени... может, всё-таки... дэв?..

– Кажется, муж ваш задерживается, – сказал серьёзно бог, притворяющийся человеком. Или кто он ещё мог быть?..

– Как бы ни поранился там! – вздохнула.

– Так, может... сходите, посмотрите? А я пока тут, в теньке посижу. Вещи посторожу. Вы же мне поверите?

Не то, чтобы я ему поверила. Игры богов порою были весьма хитроумными. Да и не обязательно, чтобы дэв – если это именно дэв – со своими хитростями собирался оказать пользу именно мне. А богов сложно переиграть. Но и рядом с ним было оставаться страшно. Вдруг всё же не только у богов тени нет, но и у других каких-то существ, которые злее? Но вдруг у мужей есть много вещей, ценных?

– Или, всё же, не стоит, – сказал таинственный мужчина, погрузнев. – Раз уж вы мне не доверяете.

А я вдруг подумала, что возможность сбежать к Мохану мне кажется куда приятнее и разумнее, чем оставаться рядом с этим таинственным существом. Хотя, когда я потупилась, изображая смущение приличной женщины, то тень уже у него была. Так быстро! Заметил? Мне примерещилось?.. Но он меня всё равно страшно пугал!

Торопливо сказала ему:

– Я вам доверяю! И... пожалуй, стоит сходить, проверить, как там мой муж. Не наступил ли на змею?..

– Если что случится – зовите меня, – сказал мужчина участливо. – Я немного разбираюсь в травах. И, пожалуй, смогу подобрать противоядие от некоторых змей.

– О, благодарю вас! И... и, пожалуй, всё-таки пойду?..

– И оружие возьмите, на всякий случай, – заботливо предложило таинственное существо.

Или там ловушка?.. И... и мой муж в неё уже попал?.. Если не все трое. Ох, нет! Но... но и мне их бросать не стоит!

– И зовите на помощь, если что! – предложил он.

И я всё же напугалась от его предложения взять с собой оружие. Хотя... оставалось надеяться, что это всё же какой-то из богов. Но, впрочем, боги временами похищали человеческих девушек. Или даже чужих жён. Стрелы Камадэва били жестоко и внезапно, попадали во всех. Да даже сами боги порою жён других дэвов умыкали! Или соблазняли. Убежала же жена гуру дэвов Брихаспати к богу Чандре! Сына богу луны родила. А потом ополчились боги против Чандрыдэва, требовали вернуть чужую жену домой. А на сторону Чандры встали асуры. И долго бились они потом. Страшно воевали друг с другом. Но, впрочем, от связи Тары и Чандры был рождён Буддха. Тот, кто наделяет человека хорошим умом и способностью понятно мысли выражать или, наоборот, вредит уму и речи. Но... даже если дети людей и богов общие обладают какими-то необычайными способностями, если они очень одарёнными приходят, я всё равно боюсь мужьям изменять. И совсем того не хочу! Кем бы он ни был. Но... если это демон, то разве он будет моё согласие спрашивать? Демоны славятся своей жестокостью и похотью. Тамас и раджас – это их природа.

Едва удержалась от вздоха. Но кинжал подобрала.

– И, может, возьмёте её? – он рукою указал на последнюю ветку, чей огонь страшно опалил Мохана. – Тоже сойдёт за оружие.

И от этого предложения мне стало ещё больше не по себе. Дэв играет со мной? Или иное существо не из локи людей играет со мной? Или, всё же, предупреждает, пытаюсь спасти от беды?.. Но боги вроде бы плохого не посоветуют? Если их игра направлена не против меня.

Но ветку всё же взяла. Странно, что она ещё не сгорела полностью. Медленно догорала. Но вот, уголь осыпался, а на конце её пламя вспыхнуло, поярче, чем было. Но ненамного. То ли само, то ли... помог он ему?..

Но за мужей я сильно волновалась. Вспомнились и страхи отца старосты, который будто бы видел где-то демонов. И мои страхи. И сон внезапно вспомнился, до того, как мне приснился раненный Сибасур у реки. Сон о том, как стая ракшасов хотела напасть на мою деревню. Хотя оттуда пошёл яркий свет, который их едва не ослепил. От которого чудовища и демоны

испуганно разбежались. Что это был за свет?.. Но, впрочем, лучше уйти. Если и погибать, то уж всем вместе. И... и если просто уйти, то мне спокойнее быть с младшим мужем, чем с этим таинственным мужчиной.

Мохан, кажется, пропал в пещере. И, кажется, это было там.

Судорожно сжимая в одной руке кинжал обнажённый, в другой – горящую ветвь, я двинулась к пещере. Хотя через несколько шагов вспомнила, как это существо подкралось ко мне со спины, беззвучно. Резко обернулась.

Он сидел неподалеку от костра, так, чтоб ему были видны и телега, и инструменты, и кушанья, словом, все наши вещи были видны. Сидел, ноги скрестив, ладони положив на колени. Ушёл в медитацию.

– Не волнуйтесь, слух у меня хороший. И я не ушёл в самадхи, – сказал мужчина вдруг, будто подслушав мои мысли. – И я буду охранять ваши вещи, пока вы и ваши мужья не вернётесь.

Он... мысли мои слышал?..

И я торопливо пошла туда, где скрылся Мохан. О, только бы был жив! Только бы они трое были живы! Пойти им навстречу или хотя бы попытаться им оказать помощь, даже если я погибну, всё же лучше, чем ждать в неизвестности, особенно, если они попали в беду. А то как-то долго их троих нет.

Камень 35-ый

Холм тот нашёлся не столь уж и далеко. И лианы, особо густым покрывалом свисавшие с одного его краю, я почему-то увидела сразу. Как будто и не сомневалась, что вход должен находиться там. А ещё страшно захотелось войти в полумрак пещеры. Разве что немного казалось, будто что-то неправильное в этом. Может, что лиан в этом не было?.. Но... как бы там не оказалось змей или ракшасов, пленивших моих мужей или младшего из них! Не о том я думаю.

Зажала сухой край горящей ветки в ту же руку, что и кинжал, другой подняла тяжёлый полог из лиан. В лицо мне ударил запах сырости и влажной земли. Там может быть опасно.

– Защити меня, Махадэв! – невольно сорвалось с рук.

И будто кто-то ответил за моей спиной:

– Там ничего опасного нет.

– Но почему же тогда туда никто не ходит?..

Развернулась и застыла. Потому что вокруг меня никого не было. А я было думала, что тот аскет шёл за мной. Голос как будто напоминал его.

– Кизи? – растерянно спросили из темноты и откуда-то из глубины.

– Мохан? Ты живой?

Темнота и тишина меня пугали, но, впрочем, голос его обиженный немного успокоил:

– А тебя это расстраивает?

Невольно улыбнувшись, сказала тихо:

– Если обижаешься, значит, ничего серьёзного не случилось.

– Чего?! – взвыли из пещеры. – Если я обиделся, значит, ничего серьёзного не случилось?!

Но где-то во мраке, далеко-далеко, снизу стал подниматься маленький огонёк. Ого, глубоко тут! Но... светильник?.. И, значит, мой муж не связан, раз свободно ходит!

Улыбнувшись, ступила внутрь, отпуская лианы. И стебли с мясистыми листьями с шуршанием сомкнулись за мной. Будто отрезая от мира и от света. Потянулась палку забрать обратно в левую руку и кинжал выронила. Когда, присев, подобрала и голову подняла, бинкар уже отчётливо был виден, приблизившийся. Кинжал в левой руке, светильник в правой. Лицо недовольное.

Но почему-то, даже видя мужа таким недовольным, застыла, как замороженная, смотря как он приближается. Как серьёзно оружие сжимает. И лицо... что-то жёсткое было в нём сейчас, упрямое. Как будто другим человеком стал. Не тем озорным и смешливым болтливой парнишкой, которого я сколько-то знала. Как будто настоящий кшатрий шёл ко мне, готовый перерезать глотку всем своим и моим врагам. И моим тоже – это ощущение странное пришло откуда-то изнутри. И пришла уверенность в этом. Но... что это с ним?..

– Где я снова увижу тебя?

– Приходи в место, где мы поклялись.

Растерянно оглянулась. Но за моей спиной сомкнулся полог из тяжёлых лиан, а вокруг подступала темнота. Нарушаемая лишь пламенем вокруг моей ветки. Да огонь над светильником в руке подходившего Мохана.

– Что-то случилось? – спросил юноша, нахмурившись.

И снова напомнил мне воина. Напрягшегося перед тем, как прыгнуть на крупного хищника.

– Голоса... – растерянно поднялась. – Мне казалось, будто я слышала чей-то разговор.

– Чей-то... разговор? – Мохан растерянно остановился.

– Да... странно... – снова взяв оружие и ветку в одну руку, шагнула к лианам, отодвинула их.

Зажмурилась от солнечного света, в глаза резанувшего, хлынувшего во мрак. Потом, когда смогла видеть снова, поняла, что и у холма никого нет. А говорили вроде совсем близко рядом.

Палка опять выпала. Медленно загорелся подол. Я вскрикнула.

Юноша присел, опуская оружие и светильник на пол, свет их во мраке оставляя – и рванулся ко мне. Своими руками горящую ткань подхватил, поднял, затушил.

– Не стоило... – смущённо потупилась.

– А как ещё? – он ткань подпалённую опустил, невольно взглядом за ней проследив.

На ноги мои было приоткрывшиеся под ней. И на которых снова волнами сомкнулась ткань. Красная с золотой вышивкой – свадебные юбка и чхоли, красные, всё ещё были на мне.

– Будто моя жена пришла ко мне на свидание, – горькая улыбка скользнула по его лицу. – В свадебном наряде.

Отчего-то оробев, тихо сказала:

– Так я и есть твоя жена.

– Не только моя! – от резал он.

И даже голос у него сейчас стал другим. Холодным, жёстким.

Он мой подбородок сжал. Не больно, но твёрдо. И, хмурясь, спросил:

– Те голоса... что ты слышала... что это были за голоса?

– Молодой женский. И молодой мужской. Будто свидание у них было где-то тут. Будто они договорились о новой встрече.

– Приходи в место, где мы поклялись?

Голос его стал каким-то иным. И взгляд... иным. Как будто Мохан знакомый мне стоял передо мной. И как будто не он. И... эти слова...

– И ты тоже слышал?

– Эти голоса?.. – он шумно выдохнул. – Да, едва сюда вошёл, – сжал ветку горящую над моей рукой, ближе к огню. – Мне почему-то ещё показалось, что тут огня не хватает. Странное ощущение, правда?

А на последних словах, вопрос задавая, он мне снова напомнил знакомого мне Мохана. Который мог выглядеть растерянным.

Мы ещё долго стояли рядом. Он пальцев с моего подбородка так и не убрал. Стоял вплотную, задевая тканью своих дхоти мой подол. Его дыхание я ощущала на моём лице. Был он немного выше меня. И так близко...

– Может... – голос его дрогнул. – Эта пещера связана с нами?.. Хотя я не знаю, как.

– Может... – едва слышно выдохнула я.

И оробела от его серьёзного взгляда. Он медленно приблизился. Его губы приблизились к моим. Мягкое касание. Нежное. И жадный поцелуй. Словно он задыхался от жажды, а я была водой. Словно он вечность этого ждал.

И... словно моё тело и моя душа вечность ждали его. Мне не хотелось расставаться с его губами. Мне не хотелось никуда уходить от него. Словно вечность его ждала. Именно его... или не его?..

Куда-то делся вдруг робкий Мохан. Куда-то делась его неуверенность. Руки, которые обняли меня, были твёрдыми. А губы – ненасытными. И страх мой куда-то вдруг делся. Будто остаться в этой полутьме с ним было правильно. Будто я на свидание с ним пришла.

Свет, хлынувший в пещеру, заставил нас невольно отпрянуть друг от друга, пряча глаза.

– Простите! Я не знал, что вы тут. Я... – тёмный силуэт, освещённый дневным светом, как ореолом, вдруг превратился в смущённого Садхира. – Я не хотел вам мешать.

И мы застыли, растерянно смотря на его среднего брата. И... и будто мы хотели уединиться здесь без него. И будто он правильно сделал, что извинился. Будто правильно сказал, что не хотел нам мешать. Но...

Смущённо потупилась. Мохан вышел вперёд, заслоняя меня.

– Ты чего тут?

«Ты зачем сюда припёрся?!» – будто хотел он сказать. И брат его старший смутился, будто и правда не должен был приходить.

– Мы путника встретили, который нам выход к дороге и к деревне ближайшей указал. И Поллав пошёл, узнать, у какой деревни мы заплутали. Новости узнать.

– Это хорошо, – улыбнулась. – Когда дорогу уже увидели, всяко спокойнее, чем, заблудившись, блуждать.

И что-то дёрнулось внутри меня. И как-то напрягся Садхир. Что-то во взгляде его появилось, цепкое.

– Простите, прабху, – потупилась. – Сегодня ваш день, но я...

– Нет! – он поднял руку с кинжалом, привлекая наши взгляды к сверкнувшему в свете лучей лезвию, потом, за взглядами нашими проследив, смутился и торопливо руку с оружием за спину убрал. – То есть... если вы друг другу нравитесь... и если я помешал вам... простите!

И повернулся было к нам спиной, собираясь выйти наружу.

– Так спокойно... – голос Мохана дрогнул. – Женщину свою другому отдаёшь?

Молодой мужчина повернулся обратно к нам, грустно улыбнулся:

– Я не считаю Кизи своей вещью, Мохан! Я отношусь к ней как к человеку. И если она выберет тебя – на эту ночь или вообще – это её право, – взгляд его провалился куда-то в темноту нутра пещеры. – Я же просто люблюсь лотосами. У меня нет желания срывать каждый из них, чтобы таскать за собой. Тем более, если я их сорву, то они потом увянут, – с грустной улыбкой к брату повернулся. – Или ты считаешь, что лотосом нельзя просто любоваться, не срывая его?

Только что меня влекло к младшему мужу. Но когда я слышала слова среднего обо мне... что он не вынуждает меня... что он готов меня к другому отпустить... я невольно проникалась уважением к нему. Тому, кого моё счастье волновало больше своего. Даже если это неправильно для мужчины и, тем более, мужа, отдавать кому-то свою жену. Только... в этой странной жизни моими мужьями стали трое из мужчин.

– Почему-то эта пещера влечёт меня... – серьёзно добавил Садхир, продолжая вглядываться в темноту. – Я почему-то пришёл сюда, когда вас не нашёл на месте.

– Ох, вещи! – испугалась я.

– Тот странник, что указал нам дорогу к выходу... он же спустя время нашёлся на месте вас, – мужчина улыбнулся, к нам поворачиваясь. – Я не думаю, что он – плохой человек.

– Но... кажется... – голос мой дрогнул. – Он... не человек!

– Не человек?.. – напрягся Мохан. И вытащил мой кинжал из моей руки. Как-то непринуждённо. Напряжённо на брата своего смотря.

– В какой-то миг разговора... – задрожала. – Я взгляд опустила... и у него не было тени! Но... потом я посмотрела на его лицо, потому что испугалась надолго выпускать его из вида. А когда опять украдкой взгляд опустила, то тень у него уже была!

– Может, тебе показалось? – нахмурился младший.

Но слишком серьёзным он был сейчас. Как воин. Настоящий воин. Как другой человек. Или... его подменили?..

Невольно в сторону отступила от него. Он проследил за мной грустным взглядом, словно не хотел расставаться. Дэвы нарочно подстроили что-то против нашей семьи?.. Или... чтоб завладеть мной?.. Потому что я приглянулась одному из них?.. Ведь сложно же считать, что дэв способен заключить союз с кем-то из асуров. Хотя... когда жена Брихаспати убежала к богу Чандре, то когда другие дэвы требовали бога луны вернуть чужую жену законному её супругу, то за Чандру заступились асуры. Асуры иногда действовали вместе с богами. Асуров иногда звали богами и полубогами. И кто-то из сильных и гордых асуров время от времени жаждал

подчинить себе всё Мирозданье, правителем над всеми локами стать. Но... Мохан... Мохан ли?.. А Садхир?.. Садхир ли?..

– Я тебе верю, – серьёзно сказал средний муж. Если это пришёл именно он. Ведь кто-то из богов умел менять облик. – Но тени могло не быть... у дэва.

– Хочешь сказать, что какой-то дэв играет с нами? – поднял брови сердито юноша. Или кто был на месте его?.. – Но на что мы понадобились какому-то дэву?

– Вроде бы боги не желают людям зла, – улыбнулся успокаивающе молодой мужчина. Или, всё-таки, древний бог?..

– Но чужих жён даже они умышляют! – нахмурился Мохан, ещё крепче сжимая забранный у меня кинжал.

– Но Кизи сейчас с нами. И, хотя они говорили сколько-то друг с другом – она сейчас здесь. Нашлась рядом с тобой.

– Но, всё-таки...

Мужья развернулись ко мне. Робко взгляд подняв, призналась:

– Всё-таки, мне не по себе. Тем более, что боги очень хитры. Известно много историй, как они затевали игру с людьми. И, как ни пытались люди противиться своей судьбе и их замыслу – в итоге побеждали боги. Даже асуры, не смотря на их тщеславие и мощь, не смогли совсем уж победить дэвов, окончательно.

– С этой-то стороны, да. Мы не знаем, что за лилу играет с нами этот путник, который может оказаться богом, – согласился со мною мужчина.

– Но, кажется...

Они внимательно смотрели на меня. Один – стоя в темноте, другой – у света. Но обоих сейчас волновало моё мнение. И они оба сейчас были рядом. Живые. Если это они. Если это оба они.

– Смотрите: этот путник указал выход к дороге и селениям нашим Садхиру и Поллаву. И прабху ушёл, чтобы найти людей. Остались мы трое. Мохан хотел сходить в эту пещеру. И... ой! – на колени опустилась. – Прости меня, прабху! Я...

– Проболталась, – проворчал младший муж. – Но, впрочем, проболтаться Садхиру – это не так серьёзно.

– Не обижай брата, – укоризненно сказал Садхир. – Он ведь сердится только за дело. Обычно...

– Обычно, – сухо сказал бинкар. – Но может и так залепить.

– Прости, но даже я считаю, что ты порою лезешь не туда, – вздохнул мужчина. – Да и контролировать себя не умеешь. Хотя сегодня я понял, что ты наконец-то начал взростеть. Когда ты мужественно терпел боль. Когда защищал её.

– Погодите! – вскричала я, поднимаясь.

Запуталась в юбке, но младший муж сразу подхватил меня за локоть свободной рукой, чтобы точно не упала.

– Не ссорьтесь! – взмолилась я. – По крайней мере, не сейчас, когда рядом с нами неизвестное существо. И неясно, что за цели у него.

– Это разумная просьба, жена, – улыбнулся мне средний из мужей.

– А ещё... – растерянно оглядела пещеру, точнее, безуспешно вглядывалась во мрак за нами и вокруг светильника, оставленного на полу Моханом. – Странное предположение у меня.

– Какое? – заинтересованно спросил юноша.

Свободной рукой указала на мрак пещеры.

– Что-то странное с ней. И... может, он нарочно хотел заманить нас сюда? Хотя я не понимаю, зачем?..

– Но, может, те голоса, что нам слышались...

– И... вам?..

Мы растерянно повернулись к Садхиру.

– Когда я зашёл сюда в первый раз, я слышал голоса. И когда заходил в иные... тоже, – он снова посмотрел во мрак и как будто даже мечтательно. – Эта пещера влечёт меня. Будто с ней связано что-то важное. Для меня.

– И у меня такое же чувство! – сказал растерянно юноша.

– И... – они растерянно повернулись ко мне. – И у меня тоже.

И молчание, воцарившееся меж нас, пугало. Робко добавила, чтобы только поскорее в пещере зазвучал чей-то голос и, следовавшее за ним словно звон колокольчиков с ножных браслетов, эхо:

– Может, мы связаны с этой пещерой все трое?

– Думаешь, мы трое?.. – как-то даже робко уточнил мужчина.

– Но что за голоса слышал ты? – требовательно спросил Мохан, прежде, чем брат успел спросить про него.

Но Садхир и не стал скрывать. Снова посмотрел в темноту. Нет, взгляд опустив, на светильник и поблескивающий возле него кинжал посмотрел. И признался, сразу тайну свою открывая нам:

– Два голоса. Молодой женский. И мужской. Кажется, молодой. Но не слишком. Кажется, мужчине было уже три десятка лет. А женщина... кажется, это девушка была. Юная совсем. «Позвольте спросить совета у вас?» – спросила она. «Конечно, задавайте ваш вопрос» – ответил ей мужской голос. Потом... что-то странное становится со мной потом... – невольно руку с оружием к груди над сердцем прижал. – Сердце так быстро бьётся... когда я услышал... когда вспоминаю о том... будто обернулся и увидел... что я мог увидеть?.. Что-то... что-то сильно поразившее меня?.. Но тогда лианы сомкнулись за моей спиной – и я оказался совсем в темноте. И тусклый, маленький огонь светильника в моей руке... но почему-то именно тогда, когда будто пауза возникла в разговоре их... когда я о ней вспоминаю... что-то происходит со мной. «Гуру, я только хотела спросить...» – спросила она чуть погодя. И видения закончились. Я стоял, робея, у входа в пещеру. А потом всё же пошёл вперёд, влекомый любопытством. И странным чувством...

– Будто здесь можно найти разгадки на мучавший тебя вопрос? – голос Мохана дрогнул.

– Да... – мужчина растерянно к брату повернулся. – Хотя я так и не нашёл ответов. Я шёл через темноту. Тогда, ещё в первый раз. Когда мы заблудились. Я зашёл уже совсем далеко. Стоял во мраке. С маленьким светлым пятном вокруг светильника. Напряжённо сжимая своё оружие. Я уже так глубоко зашёл в темноту... и новые звуки вдруг появились вокруг. Женский смех будто колокольчики с ног танцующих звучал где-то во мраке. И плач. Кажется, плакала женщина. Я застыл, оглушенный этими звуками. И странными ощущениями внутри меня. И как будто раз она отчётливо спросила: «За что?!». А больше... я ничего не слышал.

– Думаешь... – голос Мохана дрогнул. – Эта пещера связана именно с нами? С... нами тремя?..

– Но, может... – они резко обернулись ко мне. – Тот человек... или не человек... кажется, дэвы не имеют тени? В истории о Нале и Дамаянти², когда боги приняли облик Нала, чтобы она перепутала кого-то из них со своим возлюбленным Налом – и вышла за другого из влюблённых в неё, Дамаянти всё-таки узнала настоящего Нала среди нескольких ложных. Потому что у дэвов не было тени. А у Нала – была.

– Я тоже слышал несколько историй, что у богов нету тени, – подтвердил Садхир, соглашаясь со мной. – Но, кажется, то другое, что ты хотела сказать, важнее этого всего. То есть... у меня такое ощущение...

² Нал и Дамаянти – главные герои «Сказания о Нале», входящем в 3-ю книгу древне-индийского эпоса «Махабхарата».

– Кажется, твои ощущения в большинстве случаев оказываются правдивыми, – грустно сказал Мохан. – Ты же из-за них предупреждаешь нас?

– Если бы я умел предвидеть будущее, я бы заметил это! – возразил мужчина. – Думаешь, я бы не заметил этого?

– Но, может, ты и правда...

– Да с чего бы мне?!

– Погодите! – взмолилась я. – Не ссорьтесь. Время не то. Опасное, возможно. Ведь мы точно не знаем, что за существо явилось нам.

– И верно, – качнул головой средний из мужчин семьи. – Так что ты хотела вначале сказать, Кизи?

– Мне... показалось... хотя, это, конечно же, странно... странная мысль...

– Но ты, кажется, тоже можешь предвидеть будущее, – прищурился юноша, пристально смотря на меня. – Ты говорила, что незадолго до свадьбы видела сон о раненном Сибе, который лежал у реки. И ночью пошла туда, проверять, вещим ли был тот сон. И у Ганги действительно нашла раненного Сиба.

– Я не думаю, что...

– Если это так, то со временем мы это проверим, – улыбнулся мне Садхир. – Ведь если ты умеешь видеть будущее, то твой дар и впредь будет проявляться, верно?

Может, сказать им, что это был не первый мой странный сон? Но... а если я этот дар случайно забрала у Ванеды? У асура, который собирался когда-то жениться на мне. Или... он всё равно однажды придёт? Дар забрать, случайно перешедший ко мне? Или напомнить о том, что я тогда согласилась?

– Так что за догадка появилась у тебя? – мягко спросил средний муж.

– Просто... – растерянно оглядела их – оба мужа внимательно смотрели на меня. – Что тот дэв... то существо... он нарочно отправил сюда нас троих?.. Потому что это место как-то связано с нами тремя?

– Думаешь, с тремя? – ревниво спросил Мохан.

Будто не о пещере шла речь. Будто это было место для наших свиданий. Или постель, куда я пустила чужого мужчину, с которым настоящему мужу изменила. Или...

Сердце робко замерло на миг. Так и есть?.. Но мы же первый раз встретились! Здесь!

– Он, выходит, сначала явился Садхиру и Поллаву – и путь к селениям людей указал. И Поллав туда ушёл. Потом пришёл уже к месту, где мы остановились. Или потому, что оно оказалось неподалёку от пещеры? Мохан... – начала и замолкла напугано.

– Мохан любопытный отпросился сбегать до пещеры и хоть немного подсмотреть, что внутри, – старший из братьев широко улыбнулся, на младшего глядя.

Да, он его хорошо знал.

– Но я моё оружие оставил с ней! – возмутился юноша. – А себе Поллава забрал. И вообще, я ж только ненадолго...

– Но, погодите... у вас же три кинжала было? Один у Мохана, другой у меня, третий в руках Садхира. Так Поллав... ушёл без оружия?

– Рад, что ты заботишься о нём, – взгляд у среднего из музыкантов потеплел. – Но, впрочем, он настоял, чтобы я взял кинжал себе. Чтобы я мог вас защитить.

– И вещи! – юноша обиженно проворчал.

– И их, – качнул головою средний брат. – Но не сердись на него, Мохан, прошу! Мы столько старались, чтобы заработать всё это. Разумеется, он просил нас охранять.

– Но... там...

– Ты правильно сделала, что ушла сюда, – Садхир посерьёзnel. – Люди дороже вещей. Лучше пусть моя семья будет в целости. А вещи, если их и убудет, мы потом новые добудем. Вещи можно заменить. Но люди, когда умирают, их уже не заменишь совсем.

– Совсем? – как-то резко спросил вдруг младший брат.

И я совсем не поняла, на что он теперь обиделся.

– Разумеется, вы важны мне. Очень. Вы – моя семья, – грустно сказал мужчина.

– Но... – начал было юноша расстроено, но, на меня покосившись, будто вспомнив вдруг обо мне, замолк вдруг.

– Словом, мы сейчас вместе. Хотя бы трое, – он с улыбкой шагнул к нам. – И, простите... я ваше уединение прервал. Но, если тот человек – не человек вовсе, если у него какие-то тайные намерения, касающиеся нас... если он хотел заманить нас именно сюда... лучше нам пока держаться рядом?..

– Два воина лучше одного, – серьёзно качнул головой Мохан.

И снова стал напоминать какого-то другого юношу. Не капризный, жадный, привычный мне младший муж, а какой-то другой человек. Или... не человек вовсе?.. Просто... Мохан, которого я знала, обиделся бы прерванному свиданию со мной, такому внезапному и так увлечшему его, ласкам разорванным бы обиделся. Но сейчас он согласился, что лучше держаться вместе, потому что двое мужчины смогут лучше защитить меня, чем один. И это как-то не похоже было на Мохана. Будто другой, серьёзный мужчина говорил сейчас вместо него. Да что это с ним?..

– С одной стороны, нам опасно идти в пещеру, куда нас заманили...

– Но мы уже здесь, – улыбнулся мне Садхир.

И от его спокойствия, невольно успокоилось и моё сердце. Хотя всё ещё я волновалась, в этом странном месте находясь.

– С другой, если в этой пещере скрывается что-то важное, то мы сможем понять это только углубившись в неё. Стоя у входа мы вряд ли что-нибудь поймём.

– Верно, Кизи, – согласился мужчина. – Да, это опасно. Но, если мы сейчас не пройдем дальше, если вообще постараемся поскорее уйти от этого места, едва дождавшись возвращения Поллава, мы так и не узнаем загадку, связанную с пещерой.

– И связанную с нами, – сердито добавил Мохан.

– Так... пойдём?.. – средний из мужчин семьи сначала хотел получить наше согласие, он не пошёл первым вперёд, в темноту. – Отсюда или дальше сюда? Пойдём все вместе?..

– Но что там есть?.. – сначала уточнил младший.

И эта осторожность, вдруг проснувшаяся в нём, не была привычна на пылкость обычного Мохана, который сразу лез везде, куда хотел, рвался куда-то, едва захотелось. Вот, даже на колдовство решился, чтобы отобрать меня у братьев. Чтобы первую ночь провести со мной или вообще отобрать меня у них навсегда.

– Просто пещера. Камни. И внутри какая-то груда камней, заросшая слабыми растениями. Просто сама по себе она не несёт ничего удивительного. Хотя я всегда с опаской смотрел под ноги, боясь наступить на змею.

– Да, выглядит как-то просто. Даже странно.

– Так... вместе пойдём?.. Сюда или отсюда? – повторил вопрос мужчина.

– Я хочу идти вперёд, – твёрдо сказал юноша. – Только вперёд. И ещё я хочу разобраться во всём.

И опять он был какой-то другой. Но эта его решительность завораживала. Мохан будто резко повзрослел сейчас. И такой он меня притягивал к себе. Вот, будто почуял, что невольно залюбовалась им, обернулся ко мне и, взгляд мой поймав на себе, улыбнулся самодовольно. Как будто хищник медленно повернулся, взгляд свой тяжёлый останавливая на мне, могучий и упрямый. Как будто воин меч свой из ножен достал и смотрит со спокойной уверенностью на врага своего.

Юноша вдруг улыбнулся мне. Но не та открытая, чистая улыбка парнишки Мохана, тёплая и вызывающая невольное желание улыбнуться в ответ. Нет, другая улыбка. Другого чело-

века. Взрослого мужчины. Спокойная улыбка. Прохладная. Не потому, что ему наплевать на меня. Просто он завораживающе спокойный и сильный. Он не волнуется по пустякам. Мохан... он или не он предо мною сейчас?! Мохан, кто тебя подменил?..

– А ты что хочешь, Кизи? – спросил Садхир, нарушая наше молчание и уединение, когда мы тонули только в глазах друг друга, когда смотрели только друг на друга две пары глаз и две души. – Если ты не захочешь, мы никуда не пойдём.

– Но... двое больше чем один!

– Если нет согласия, то зачем?..

Такие разные они! Даже этот, новый, другой Мохан, всё равно не похож на своего среднего брата. Если это его брат.

– Вы – мои мужья, – улыбаюсь им. – Покуда мы живы, я хочу идти вместе с вами. Вместе жить. Или вместе умереть.

– Значит, нас двоих ты любишь больше Поллава? – довольно улыбнулся Мохан.

Сейчас не поняла, как он или как не он? А, впрочем, так могли улыбнуться они оба, и тот, младший муж, которого знала, и тот, другой, вдруг появившийся вместо него. Это нежелание делиться своим общим было у обоих из них.

– Мохан! – возмутился средний из музыкантов. – Как ты можешь?! Поллав – твой брат!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.